

ПОЛОВИННЫЙ КОД

ТОТ,
КТО
УМРЕТ

Салли
ГРИН

Половинный код

Салли Грин

Половинный код. Тот, кто умрет

«ЭКСМО»

2014

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44

Грин С.

Половинный код. Тот, кто умрет / С. Грин — «Эксмо»,
2014 — (Половинный код)

ISBN 978-5-699-89837-4

Противостояние Альянса и Совета продолжается. Более полусотни убитых Охотников не приблизили Натана ни к развязке этой кровавой войны, ни к исчезнувшей Анне-Лизе, найти которую стало смыслом его жизни. Но больше всего Половинный код беспокоят видения, что предсказывают ему смерть в ближайшем будущем. Верный друг Габриэль предлагает Натану бросить всё и всех и сбежать. Но ничто не может спасти Натана ни от этой войны, ни от того, кем он стал... Впервые на русском языке!

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-699-89837-4

© Грин С., 2014
© Эксмо, 2014

Содержание

Пропал, но не навсегда	6
Часть первая	7
Камни	7
Тренировка	13
Примитивная ловушка	17
Вариант третий	21
Пленница	24
В лагере	31
Ни одному нормальному против них не выстоять	35
Жажда крови	39
Я стану бояться тебя больше всех на свете	44
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Салли Грин

Половинный код. Тот, кто умрет

Sally Green

Half Lost

Copyright © Sally Green, 2016

Copyright © Half Bad Books Limited 2014. The author and illustrator have asserted their moral rights. All rights reserved

Разработка серии А. Саукова

© Н. Екимова, перевод на русский язык, 2016

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э»», 2016

* * *

Памяти моего отца посвящается

*Один и тот же человек бывает в свои разные возрасты, в разных
жизненных положениях – совсем разным человеком. То к дьяволу близко.
То и к святому. А имя – не меняется, и ему мы приписываем все.
«Архипелаг ГУЛАГ».
Александр Солженицын*

Пропал, но не навсегда

- Нам надо придумать пароль.
- Да? Это еще зачем?
- Затем, что в один прекрасный день ты вот так уйдешь и тебя убьют, а потом кто-нибудь из Охотников с даром превращения притворится тобой, придет в лагерь и убьет меня.
- Скорее уж они найдут лагерь, убьют тебя и станут поджидать, когда появлюсь я, насвистывая как ни в чем не бывало.
- Такое тоже возможно, хотя насвистывать как ни в чем не бывало – это не про тебя.
- Так что за пароль?
- Это должно быть не слово, а целая фраза. Произносить ее буду я, а ты должен будешь правильно ответить.
- Ага, точно. Давай я скажу: «Я насвистываю потому, что убил десять Охотников», а ты ответишь: «А я бы лучше вскарабкался на Эгер».
- Вообще-то я имел в виду такой вопрос, который я мог бы задать на самом деле.
- Например?
- Тебя долго не было. Где ты пропал?
- И каков ответ?
- Я пропал, но не навсегда.
- В жизни такого не скажу.
- И все же... Может, попробуешь? Просто чтобы убедиться, что ты ничего не перепутал?
- Нет.

Часть первая Вопрос доверия

Камни

В тот год, когда моему отцу исполнилось двадцать два, он убил тридцать два человека. Селия заставляла меня заучивать факты о Маркусе. Это один из них. До войны между Белым Советом Сола и Альянсом Свободных Ведьм столько людей за один год он не убивал больше никогда. Раньше я думал, что тридцать два человека – это очень много.

Когда Маркусу исполнилось семнадцать – в год его Дарения – он убил всего четверых. Мне все еще семнадцать. До Битвы при Бяловице – это был день, когда погиб мой отец, а с ним почти половина Альянса, день, который оставшиеся в живых называют теперь ББ, а чаще предпочитают вообще не вспоминать, – короче, до того дня я сам убил тридцать два человека.

После ББ прошло уже несколько месяцев, и мой счет перевалил за полсотни.

Точнее, на моем счету пятьдесят два человека.

Точность важна в таких вещах. Я, например, не считаю себя убийцей Пайлот – она все равно умирала – и Самин тоже не в счет. То, что я для нее сделал, было милосердием. Убили ее Охотники. Застрелили в спину, когда мы убегали. А Маркус? Нет, он, конечно, тоже не среди этих пятидесяти двух. Потому что я его не убивал. Его убила она.

Анна-Лиза.

От ее имени мне хочется блевать. И не только от имени: от ее белых волос, голубых глаз и ее золотистой кожи. В ней все отвратительно, все фальшиво. Она говорила мне, что любит меня. И я говорил ей то же, но всерьез. Я правда любил ее. Вот чертов идиот! Это ж надо было, втюриться в кого-то из семейки О'Брайен! Она называла меня своим героем, своим принцем, а я, как последний тупица, который я и есть, хотел ей верить. И верил.

А теперь все, чего мне хочется, – это убить ее. Вспороть ей живот, выпотрошить ее всю, до последнего крика. Но даже этого мало; даже это далеко от того, что она со мной сотворила. Пусть бы она тоже узнала, как страшно сделать то, что из-за нее пришлось сделать мне. Вот если бы я заставил ее отрезать и съесть собственную руку или выколоть себе глаза и съесть их – это было бы хоть немного похоже на то, через что прошел я.

На моем счету пятьдесят два мертвеца. Но единственное мое настоящее желание – это добраться до нее. Пусть она станет пятьдесят третьей, и с меня хватит. Она одна, и я буду доволен.

– Только она одна.

Но я прочесал все поле сражения и весь наш старый лагерь. Я убивал всех Охотников, которые попадались мне навстречу – и тех, кто прибирал трупы, и тех, кого я выслеживал уже потом. И только ее не видел. Ни намек! Дни и недели я шел по каждому следу, не пропускал ни одной ниточки, обследовал каждый отпечаток на земле, и ни один из них не привел меня к ней.

– Пусто.

Я поднимаю голову и прислушиваюсь. Тишина.

Значит, звук мне послышался, а скорее, это опять я разговаривал сам с собой.

– Черт!

Анна-Лиза! Это все из-за нее.

– Чтоб ей сдохнуть. – Я поднимаю голову, оглядываюсь и кричу верхушкам деревьев: – Чтоб-ей-сдох-нуть!

А потом тихо сообщаю камням:

– Просто я хочу, чтобы она умерла. Перестала существовать. Я хочу, чтобы ее душа исчезла. Чтобы ее не было больше в этом мире, нигде. Никогда. Только и всего. Тогда я успокоюсь.

Я поднимаю с земли маленький камешек и говорю ему:

– Может быть. А может быть, и нет.

Маркус хотел, чтобы я убил их всех. Может быть, я смогу. Наверное, он знал, что я смогу, иначе не стал бы так говорить.

Я сгребаю свои камни в кучку. Их пятьдесят два. Кажется, что это много – целых пятьдесят два, а на самом деле – ерунда, пустяки. Мой отец хотел, чтобы я убил еще больше. Да и с Анна-Лизой не сравнить – сколько из-за нее погибло народу. Больше сотни. Так что мне надо повышать ставки, если я не хочу отстать от нее в умении проливать кровь. Из-за нее чуть не перестал существовать весь Альянс. Из-за нее умер Маркус – единственный, кто мог в одиночку сдержать нападение Охотников, единственный, кого они боялись. Но он не успел нанести им поражение, потому что из-за нее, из-за ее выстрела его больше нет, и Альянс едва не рухнул. А еще мне не дает покоя мысль о том, что она может оказаться шпионкой. Зря, что ли, Сол – ее родной дядя? Габриэль не доверял Анна-Лизе, он всегда твердил, что это наверняка она выдала Охотникам квартиру Меркури в Женеве. Я никогда в это не верил, но, может быть, он прав.

Раздается шелест, Габриэль выходит из-за деревьев. Он собирал хворост на растопку. Услышал, как я ору, наверное, вот и примчался. А теперь делает вид, будто и так уже шел назад, бросает хворост, останавливается рядом с моими камнями.

Я не говорил ему, для чего они, а он не спрашивал, но, думаю, он и так знает. Я беру один. Он маленький, размером с ноготь моего мизинца. Они все маленькие, но каждый не похож на другие. Каждый – для одного из тех, кого я убил. Раньше я знал, какой камень кого представляет, не по именам, конечно, – какие у Охотников имена? – просто камни помогали мне запоминать встречи с ними, и как проходил бой, и кто как умер. Теперь я уже не запоминаю отдельных схваток; все они слились для меня в одно нескончаемое пиршество крови, но зато в моей кучке пятьдесят два камня.

Ботинки Габриэля поворачивают на девяносто градусов и секунду-другую стоят тихо, потом он говорит:

– Нам нужны еще дрова. Ты будешь помогать?

– Сейчас.

Ботинки пару секунд мешкают, потом разворачиваются еще на сорок пять градусов, стоят неподвижно – четыре, пять, шесть, семь секунд – и снова уходят за деревья.

Я вынимаю из кармана белый камень. Он овальный и чистый, без всяких прожилок: кварц. Гладкий, но не блестящий. Камень для Анна-Лизы. Я нашел его у ручья однажды, когда искал ее. Тогда мне показалось, что это хороший знак. Что, может быть, я в тот же день нападу на ее след. Этого не случилось, но я все равно найду ее, когда-нибудь. И когда я ее убью, то не стану класть ее камень к другим, а выброшу. Чтобы его больше не было. Как и ее самой.

Может быть, тогда прекратятся и сны. Сомнительно, конечно, но кто знает. Мне часто снится Анна-Лиза. Случается, что сон начинается даже приятно, но длится это недолго. Иногда она стреляет в моего отца, в точности как во время ББ. Если мне везет, то я успеваю проснуться раньше, но иногда сон длится и длится, и тогда я как будто проживаю все заново.

Лучше бы мне снился Габриэль. Вот это были бы хорошие сны. В них мы вместе лазали бы по скалам, как раньше, и дружили бы, как тогда. Мы и теперь друзья; мы всегда будем

друзьями, только сейчас все по-другому. Мы почти не разговариваем. Иногда он рассказывает о своей семье или о том, как он жил раньше, до всего этого, о том, что случилось с ним в горах, когда он лазал, или пересказывает какую-нибудь книжку... не знаю... что-нибудь такое. Он хороший рассказчик, только я дерьмовый слушатель.

На днях он рассказывал мне про один свой подъем где-то во Франции. Далеко внизу была река, и было очень красиво. Я слушаю и представляю себе лес, по которому он шел; он описывает ущелье и реку на его дне, но я уже отвлекся и думаю о том, что Анна-Лиза на свободе. И тогда я замечаю, что одна часть меня твердит: «Слушай Габриэля! Слушай его рассказ!» Но другая часть хочет думать об Анна-Лизе, она возражает: «Пока он болтает, Анна-Лиза ходит где-то свободная». И мой отец умер, а я даже не знаю, где его тело, кроме, конечно, той части, которая во мне, ведь я съел его сердце, и это-то и есть самое ужасное: я тот человек, тот мальчишка, который ел своего отца, сижу рядом с Габриэлем, а он все болтает про какой-то дурацкий подъем и про реку, которую ему пришлось перейти вброд, чтобы подобраться к скале, а я думаю о том, что я ел собственного отца, он умирал, а я держал в руках кусок его плоти, а Анна-Лиза бродит где-то, свободная, а Габриэль болтает о своем подъеме, и разве это нормально? И тогда я говорю ему спокойно, как только могу:

– Габриэль, ты бы не мог заткнуться со своим гребаным подъемом? – Мне приходится говорить действительно очень тихо, потому что иначе я заору.

Тогда он делает паузу и отвечает:

– Конечно. А ты мог бы сказать хоть одно связное предложение без мата? – Это он поддразнивает меня, старается превратить все в шутку, и я все понимаю, но почему-то злюсь еще больше, и говорю ему, чтобы он проваливал. Только я не просто говорю ему, чтобы он проваливал, а посылаю его по известному адресу, и потом уже не могу остановиться, меня несет, я осыпаю его всеми матерными словами, какие только знаю, а он пытается удержать меня, взять за руку, но я отталкиваю его и говорю, чтобы он уходил, иначе я за себя не отвечаю. И он уходит.

Когда он исчезает за деревьями, я успокаиваюсь. И тут же мне становится так легко, потому что я один, мне даже дышится в одиночку легче. Сначала я чувствую себя хорошо, но скоро, когда я уже совсем успокаиваюсь, я начинаю ненавидеть себя, потому что мне хочется, чтобы он был рядом, коснулся моей руки, хочется послушать продолжение его истории. Мне хочется, чтобы он поговорил со мной, хочется быть нормальным. Но я не нормальный. Я не могу быть нормальным. И все из-за нее.

Мы сидим рядом и смотрим в костер. Я твержу себе, что должен контролировать себя и говорить с Габриэлем. Разговаривать, как все нормальные люди. И слушать. Но я не могу придумать, что ему сказать. Габриэль тоже почти все время молчит. Злится, наверное, из-за камней. Я еще не сказал ему про те два, которые добавил вчера. И не хочу говорить... об этом. Вместо этого я еще раз прохожусь ложкой по своей миске, хотя в ней давно уже ничего нет, я все выскреб. На ужин у нас был сыр и суп из пакета; жидкий, но все лучше, чем ничего. Я все еще хочу есть и знаю, что Габриэль тоже. Он страшно исхудал. Стал, что называется, доходягой. Помню, кто-то сказал так однажды про меня, давно. Мне тогда тоже все время хотелось есть.

Я говорю:

- Надо добыть мяса.
- Да, было бы неплохо, для разнообразия.
- Поставлю завтра силки на кроликов.
- Тебе помочь?
- Нет.

Он молча ворошит огонь в костре.

– Один я справлюсь быстрее, – добавляю я.

– Да, я знаю.

Габриэль продолжает заниматься огнем, а я опять выскребаю миску.

Это Трев назвал меня доходягой. Я пытаюсь вспомнить, когда это было, но не могу. Помню, как он шел по улице где-то в Ливерпуле, в руках у него был полиэтиленовый пакет. И тут же мне вспоминается одна девчонка, из фейнов, она тоже была там, и еще Охотники, они преследовали меня, но все это кажется таким далеким и ненастоящим, как в другой жизни.

Я говорю Габриэлю:

– В Ливерпуле я встречал одну девчонку. Из фейнов. Но крутую. У нее был брат, а у брата пистолет... и собаки. Или, может, не у него. Нет, точно, собаки были у кого-то другого. У брата был пистолет. Так она говорила, сам я его не видел. Короче, я приезжал в Ливерпуль на встречу с Тревом. Странный такой парень. Длинный и... не знаю, как сказать... тихий какой-то, и ходит, как будто скользит. Белый. Но ничего, нормальный. Он брал у меня образцы тканей с одной из татуировок, на лодыжке. Кровь, кожу, кость. Чтобы понять, для чего эти татуировки, что они делают. В общем, нас выследили Охотники, и нам пришлось бежать, но я обронил пакет с образцами, а когда вернулся за ним, его уже нашла та девчонка. И вернула мне, а я их потом сжег.

Габриэль смотрит на меня так, словно ждет продолжения истории. А я сам не знаю, что было дальше, но потом вдруг вспоминаю.

– Потом появились две Охотницы. Они нас чуть не сцапали, меня и Трева. Но та девчонка, которая с братом, она была с бандой фейнов, и они поймали Охотниц. А я ушел. Не знаю, что они с ними сделали. – Я смотрю на Габриэля и говорю: – Тогда мне и в голову не приходило убивать Охотников. А сейчас не пришло бы не убивать.

Габриэль отвечает:

– Сейчас война. Все стало по-другому.

– Ага. Точно. – И я добавляю: – Тогда я был доходяга, а теперь ты.

– В смысле?

И тут я понимаю, что не сказал ему, с чего вдруг вспомнил все это, к тому же мы оба порядком отошдали, да и объяснять ничего неохота, и я просто говорю:

– Ладно, проехали.

Мы сидим и смотрим в огонь. Единственное яркое пятно на много миль вокруг. Небо закрыто тучами. Луны нет. Я начинаю думать о том, где теперь Трев и Джим, его приятель. И вспоминаю, что это не Трев назвал меня доходягой, это Джим.

Габриэль говорит:

– Я ходил к Греторекс.

– Да, знаю. – Это он принес суп и сыр.

До лагеря Греторекс почти час ходу. Наверное, он сбегал, пока я пересчитывал камни, а на обратном пути набрал хворосту. Значит, я просидел там не один час.

– У них все по-прежнему, – говорит он. И это я тоже знаю.

Те члены Альянса, которые уцелели в Битве, живут сейчас в семи разных лагерях в разных концах Европы. Мы с лагерем Греторекс – небольшой группой бойцов – где-то в Польше. Только мы не совсем с ними. Я никого не хочу видеть. У меня свой лагерь. Все лагеря пронумерованы. У Греторекс номер три. Значит, мой номер три Б или, скорее, три с половиной. Короче, Греторекс – старшая в своем лагере, она же отвечает за сообщение с Главным, где находится Селия, хотя сообщать ей, как я понимаю, особенно нечего. И потому все, что ей остается делать сейчас, это тренировать тех новобранцев, которые уцелели после резни, и надеяться, что их навыки когда-нибудь пригодятся.

Я видел их, когда был в прошлый раз в третьем лагере. Греторекс мне нравится, а вот ее подопечные не очень. Они на меня не смотрят – по крайней мере, когда я смотрю на

них. Когда я не смотрю, их глаза так и шарят по мне сверху донизу, но стоит мне внезапно повернуться, как они разом обнаруживают на земле что-то безумно интересное.

Думаю, с моим отцом было так же. Никто не хотел смотреть ему в глаза. Но со мной это впервые. До ББ я был частью команды, меня окружали бойцы, я был тогда в паре с Несбитом, а Габриэль – с Самин, и мы тренировались с Греторекс и другими. Мы были хорошей командой. Мы смеялись, шутили, дрались, и ели, и разговаривали – все вместе. Мне не хватает этого чувства локтя, оно ушло и никогда не вернется, я знаю. Но Греторекс все так же отлично работает с новичками.

– Она хороший тренер, – говорю я.

– Кто, Греторекс?

– А о ком мы еще, по-твоему, говорим? – Сам не знаю, чего я вдруг взъелся.

– Ты должен как-нибудь сходить со мной в лагерь. Греторекс будет рада.

– Ага. Как-нибудь схожу. – Но мы оба знаем, что это значит «нет».

Я уже много недель не видел Греторекс и вообще никого, кроме Габриэля. Точнее говоря, кроме Габриэля и еще тех двух Охотников, но их я убил. Если подумать, я вообще привык убивать всех, с кем встречаюсь. Так что – пусть Греторекс радуется, что я не хожу к ней.

– Она хочет похвастаться перед тобой своими новыми ученицами. Они делают успехи.

Тут я уже совсем не знаю, как реагировать. Удивиться? Или сказать: «Хорошо». Или: «Какая, к черту, разница, все равно это ничего не изменит?»

В общем, я понятия не имею, что говорить.

Тут я вспоминаю кое-что и спрашиваю:

– Какой сегодня день?

Габриэль отвечает:

– Ты меня вчера спрашивал.

– И?

– Не знаю. Хотел спросить у Греторекс, да забыл. – Он поворачивается ко мне и задает вопрос: – А тебе зачем?

Я трясую головой. Мне все равно, какой сегодня день, просто я пытаюсь сохранить ясность мыслей, а дни так похожи один на другой и так быстро сливаются в недели, а может, и месяцы, что я чувствую, как у меня в голове все перемешивается. А мне необходимо сосредоточиться и не терять связи с реальностью. Вчера я убил тех двоих. Потом вернулся сюда, но мне уже кажется, что это было давным-давно. Надо сходить туда еще раз, проверить трупы. За мертвыми Охотниками наверняка придут другие, их товарищи. Может, мне повезет поймать кого-нибудь из них живьем и расспросить. Вдруг они знают что-нибудь об Анна-Лизе. Если она шпионка, то наверняка уже вернулась к Солу; может быть, Охотники ее видели.

Я ложусь на спину и прячу лицо в сгибе локтя.

Я не говорю Габриэлю про тех двоих потому, что он скажет Греторекс, и она сразу перенесет лагерь, а мне надо еще проверить тела. Но сначала надо поспать. С тех пор как умер Маркус, я сплю очень мало. Надо поспать, а уж потом идти проверять Охотников. Или оставить их на послезавтра? А завтра сделать вылазку на юг. Посмотреть, нет ли там следов Анна-Лизы, потом вернуться сюда, а уж потом пойти к телам. И раздобыть еды наконец. Значит, решено: завтра юг и силки для кроликов, послезавтра мертвые Охотники, а если повезет, то и живые.

Вдруг я понимаю, что вижу изнанку собственной руки; глаза у меня до сих пор открыты. Надо научиться закрывать их, когда ложусь. Надо спать.

Мы сидим на скале бок о бок, свесив ноги с края. Падают листья. Загорелая коленка Анна-Лизы совсем рядом с моей. Она протягивает руку за падающим листом, ловит его и прихватывает мой рукав. Повернувшись ко мне, она подносит лист к моему лицу и, когда я смотрю на нее, ловко приклеивает его мне на нос. Ее глаза сверкают, серебристые искорки в них взвихряются и падают. Кожа у нее гладкая, бархатистая, и мне так хочется ее потрогать. Я тянусь вперед, но не могу сдвинуться с места, а надо мной оказывается Уолленд, который говорит: «Ощущение может показаться немного странным» – и прикладывает к моей шее что-то металлическое, и я тут же оказываюсь на коленях посреди леса, передо мной на земле лежит отец, из его живота течет кровь. Я держу Фэйрборн и чувствую, как он вибрирует в моей руке, до того ему не терпится продолжать. Моя правая рука лежит на плече Маркуса, я чувствую ткань его куртки. Он говорит:

– Ты сможешь. – И мы начинаем. Первый же удар рассекает его рубашку вместе с плотью, второй проникает дальше, глубже. За ним следует третий, еще более глубокий, он режет ребра, как бумагу. Кровь заливает грудь Маркуса и мои руки, она горячая, но быстро стынет. Я сжимаю его сердце в ладони и чувствую его последний удар у меня в горсти, когда я склоняюсь над ним. Впиваюсь зубами. Кровь брызжет мне в рот. Я давлиюсь, но глотаю. Делаю еще укус и гляжу в глаза Маркусу, а он глядит в глаза мне, пока его кровь наполняет мне рот.

Я просыпаюсь, давясь кашлем, с меня льет пот. Габриэль подползает ближе и обнимает меня. Я прижимаюсь к нему. Он ни о чем не спрашивает, только держит меня обеими руками, и это хорошо. Мы лежим так долго, наконец он говорит:

– Ты можешь рассказать мне о том, что происходит в твоих снах?

Но я не хочу даже думать о них. А уж говорить и подавно. Габриэль знает, что я сделал, что мне пришлось сделать, чтобы забрать дары моего отца. Габриэль видел меня потом, окровавленного с головы до ног, но, по крайней мере, он не видел, как я это делал. Он считает, что если я расскажу ему, как все было, мне станет легче, но я-то знаю, что ни черта это не изменит, – что сделано, то сделано, – только он будет знать, до чего это было мерзко и...

– Натан, поговори со мной, пожалуйста.

И он добавляет:

– Это ведь был сон, да? Ты же поделишься со мной, если это будет видение?

Я отталкиваю его. Зря я рассказал ему, что у меня начались видения.

Тренировка

Утро. Я бегу назад, к лагерю. Чувствую себя неплохо. Сделал большую пробежку: начал еще в темноте, сразу после кошмара, когда Габриэль стал приставать ко мне с расспросами, и бегал несколько часов подряд. Бег всегда идет мне на пользу. На бегу можно сосредоточиться на лесе, на деревьях, на земле, подумать. И потренировать свои дары.

Я становлюсь невидимым. Пока это дается мне лучше всего остального, хотя и не без труда. Сначала надо представить себя прозрачным, представить, что я растворяюсь. Потом сделать вдох и сосредоточиться на воздухе внутри себя. Я могу оставаться невидимкой до тех пор, пока думаю о воздухе.

А еще я могу пускать молнии из рук. Для этого мне нужно сильно хлопнуть в ладоши, так, словно я ударяю камнем о камень, чтобы высечь искру. В первый раз у меня и вышла всего лишь искра, зато теперь я могу посылать настоящие разряды до десяти метров длиной.

Дышать огнем я научился совсем недавно. Для этого надо щелкнуть языком о небо и выдохнуть. Это не самое мощное мое оружие, и я не могу дышать огнем, когда думаю о воздухе. Но все равно – это полезный дар.

Я каждый день тренирую эти новые для меня навыки и каждый день ищу в себе другие способности отца. Он умел двигать предметы силой мысли, полностью изменять свою внешность, как Габриэль, заставляя расти или увядать растения, исцелять других, гнуть железо и создавать проходы в пространстве. Все это замечательные свойства, но замечательнее всего был его дар останавливать время. Я уверен, что теперь они все у меня. Было бы странно, если бы я получил всего один его дар. Куда же тогда девались бы остальные? Нет, они все во мне, только я пока не знаю, как до них добраться. Я видел, как отец останавливал время, когда умирал, и особенно много работаю над этим, но ничего пока не выходит. А ведь этот дар нужен мне больше всех других. Чего бы я с ним только не сделал! Но я его пока не нашел. Зато другой дар – видеть будущее, который мне вообще не нужен, является ко мне незванным, хочу я того или нет.

Видения – это скорее проклятие, чем дар. Они мне всю жизнь испоганили. Испоганили мои отношения с отцом, вообще все. Я гадаю, как могла бы сложиться моя жизнь, если бы отцу не было видения, что я зарежу его Фэйрборном. И ведь так оно и получилось, причем по его воле, хоть он и избегал меня все семнадцать лет. Так что, единственным результатом его видения было мое детство, которое я провел без него, не зная его, в плену у Белых Ведьм. А потом я сбежал от них, мы с отцом встретились, и через несколько месяцев после нашей встречи его видение сбылось. Без него отец вряд ли оставил бы меня у бабушки; он предпочел бы, чтобы я жил с ним. Семнадцать лет разлуки, и все из-за какого-то видения. Но страннее всего то, что я вряд ли сделал бы то, что сделал, если бы не знал про видение, если бы отец сам не сказал мне, что видел, как я съем его сердце и заберу его дары.

Видения не похожи на сны. Начать с того, что они приходят, только когда я не сплю и надвигаются, словно туча, закрывая свет, делая все вокруг холодным и тусклым, и хотя я всегда знаю, что сейчас будет видение и что я его не хочу, остановить его так же не в моей власти, как затормозить облако, которое вот-вот закроет солнце.

И, конечно, любое видение, когда его увидишь, уже не развидишь: его нельзя забыть.

Видение было мне уже раз шесть или семь, и с каждым разом оно все подробнее. Вот я стою на краю леса, позади меня деревья, впереди – луг, солнце близится к горизонту. Льет золотой свет, вокруг красота и покой, я оборачиваюсь и вижу Габриэля, который стоит между деревьями. Он машет, точно зовет меня к себе; я в последний раз оглядываюсь на луг, поворачиваюсь к нему спиной и тут же взлетаю в воздух.

Вот что я увидел в первый раз и что рассказал Габриэлю. Но теперь я знаю больше. В моем видении сквозь лес от меня уходит кто-то темный. Габриэль держит в руках пистолет. Я лечу по воздуху спиной вперед – я помню это ощущение полета, – но потом падаю навзничь, вижу над собой небо с верхушками деревьев, знаю, что меня подстрелили, а потом все становится черным. На этом видение обрывается.

По моим подсчетам, все длится минуты две, не больше, а когда кончается, то мой живот обжигает болью, и судороги сводят меня так, будто все это происходит на самом деле. Я знаю, что это серьезное видение, иначе оно бы ко мне не приходило, да и, сказать правду, нет ничего хорошего в том, чтобы получить пулю в живот, и все-таки я не понимаю. Почему Габриэль манит меня туда, откуда прилетает пуля? И вот тут возникает второй вопрос, самый главный, который я стараюсь себе не задавать. Неужели это Габриэль в меня стреляет? Но ведь я знаю, что он никогда этого не сделает, – он же меня любит – и уже по одному этому видно, какая дрянь все эти видения. Против воли начинаешь верить в них, а не в то, что есть на самом деле.

Я возвращаюсь в лагерь и падаю у костра на землю. И тут же удивляюсь: зачем я вернулся? Я же хотел бежать на юг, ставить ловушки на кроликов, но только теперь вспомнил об этом.

– Тебя давно не было. Где ты пропал? – спрашивает Габриэль, подходя ко мне.

Только его мне и не хватало, с его дурацкими паролями.

Я говорю:

– Ты все перепутал. Ты должен сказать: «Тебя долго не было», а меня не было всего несколько часов, так что все это пустая затея.

– Я стараюсь придерживаться духа, а не буквы.

– Будь я Охотник, ты бы уже умер.

– А ты прямо из кожи вон лезешь, чтобы этот вариант казался мне предпочтительным.

Я посылаю его подальше.

Он переступает с ноги на ногу, подбрасывает носком ботинка комки грязи. Я достаю Фэйрборн и мой точильный камень и берусь за дело.

Габриэль присаживается рядом со мной на корточки.

– Ты делаешь это с какой-то целью?

– Хочу пойти оглядеться. Проверить, как дела.

Я смотрю на него.

– У меня такое чувство, что мне сегодня повезет. Может, Охотников встречу.

Я знаю, что хотел сегодня заняться кроликами, а Охотниками – завтра, но передумал. Теперь я хочу вернуться к мертвым Охотникам и посмотреть, не появились ли там живые.

– Нам нужна еда. Ты говорил, что поставишь силки.

– Заодно и поставлю.

– Да? Правда? А вдруг ты опять исчезнешь на несколько дней, а меня оставишь тут гадать, жив ты или умер?

Я продолжаю точить нож.

Габриэль протягивает руку, его пальцы ложатся на мое запястье.

– Поговори со мной, Натан. Пожалуйста.

Я перестаю точить нож и смотрю ему прямо в глаза.

– Я же говорю. Я сделаю то и другое.

Но Габриэль качает головой.

– Почему ты не расскажешь мне, что происходит?

– Ты и так знаешь, Габриэль. Я пытаюсь найти ведьму, которая убила моего отца. Но она как сквозь землю провалилась. Хорошо то, что в поисках ее я встречаю Охотников, кото-

рых убиваю. Их кругом много. Места кругом тоже немало, это большая страна, но я все равно нахожу их и убиваю.

– Ты правда веришь, что сможешь убить их всех?

Это честный вопрос, но мне почему-то кажется, что он задает его потому, что сомневается в моей нормальности, а не в моих способностях.

Я улыбаюсь в ответ и старательно изображаю полного придурка.

– Мой отец, похоже, в это верил.

Габриэль качает головой и отворачивается от меня со словами:

– Иногда мне кажется, что ты просто ищешь смерти.

Иногда мне и самому так кажется, и только в бою я перестаю сомневаться. Наоборот, именно тогда я особенно ясно понимаю, что отчаянно хочу жить.

Габриэль продолжает:

– Нападая на них, ты каждый раз рискуешь жизнью. Они же могут убить тебя, Натан.

– Я становлюсь невидимым. Когда они узнают, что я рядом, бывает уже поздно.

– Все равно, тебя могут подстрелить. Пулям ведь все равно, видимый ты или нет, и просто чудо, что этого до сих пор не случилось. Ты забыл, как чуть не умер от охотничьей пули в Женеве? От яда, который в ней был. Рана...

– Я соблюдаю осторожность. И я лучше их. Намного.

– Они тоже могут становиться невидимками. Могут...

– Говорю тебе, я осторожен.

Габриэль хмурится.

– Дело не только в тебе. Каждое твое нападение привлекает сюда все новых Охотников, и они все ближе подбираются к нам и Греторекс, подвергая опасности всех.

– Греторекс для того и тренирует свой отряд, чтобы встречать опасность лицом к лицу, хотя, помнится, последние два раза мы переносили лагерь без всяких столкновений, и убивал я один, так что руки в крови у меня одного. А им бы только тренироваться и прятаться, и...

– Ты же знаешь, что это неправда.

– Про меня тоже говорят много неправды.

Мой палец скользит по лезвию Фэйрборна, выступает кровь. Я сосу палец и заживляю порез раньше, чем успеваю убрать точильный камень в карман, а Фэйрборн – в ножны.

– Натан, смерть еще пары-тройки Охотников не изменит исход войны. И вообще ничего не изменит.

– Скажи это тем, чьи кишки я выпущу.

– Ты не хуже меня знаешь, что Охотники в большинстве своем просто дети. Сол обманом втянул их в эту войну. Мы воюем не с ними – мы воюем с Солом. Он заправляет в Совете Белых Ведьм; он нанял Уолленда с его извращенной магией. Это с ними тебе надо драться. Сол и Уолленд начали войну, и только их смерть положит ей конец.

– Ничего, я и до них скоро доберусь. Считай, что сейчас я просто тренируюсь. Когда я овладею всеми дарами моего отца, то буду готов выступить против Сола.

– А пока ты будешь тренироваться на подростках.

Я становлюсь невидимым, вынимаю из ножен Фэйрборн и появляюсь снова совсем рядом с Габриэлем, приставив острое ножа к его горлу.

– Они Охотники, Габриэль. Они выбрали сторону Сола, чтобы охотиться и убивать нас, а я буду охотиться на них и убивать их. Всех, если придется. Молодых и старых. Новичков-рекрутов и закаленных ветеранов. Они вступили в их ряды. Они сделали свой выбор, а я делаю свой.

Габриэль ударяет меня по руке, Фэйрборн падает.

– Не тычь в меня этой штукой. Я не враг тебе, Натан.

Я посылаю его подальше.

– Это все, на что ты способен? – Габриэль делает шаг назад и наступает на мою кучку камней. – Убивать и ругаться? – Он смотрит на камни. – Сколько еще камней ты хочешь сложить в эту кучу, Натан? Целю гору? – Габриэль ударяет по ним ребром ботинка. – Думаешь, тогда тебе станет легче? И ты снова будешь спать по ночам?

– По мне, чем Охотников меньше, тем лучше. А что до сна, то ты и так знаешь, что хуже уже некуда. – И я припечатываю свой ответ самыми грязными ругательствами, какие только знаю.

Я подхватываю рюкзак, Габриэль тянется ко мне, чтобы удержать, но я стряхиваю его руку и быстрой рысью выбегаю из лагеря. Не оглядываясь.

Примитивная ловушка

В этот раз на бегу я думаю об Анна-Лизе. Представляю, что гонюсь за ней, преследую ее по пятам. Я и так могу бежать часами без остановки, но с мыслями о ней время летит еще быстрее. Но нет, нельзя слишком долго думать об Анна-Лизе. Нельзя потакать себе: надо сосредоточиться на охоте за Охотниками. Габриэль прав в одном: это действительно опасно, и, как бы хорош я ни был, им все же может повезти. Значит, чтобы удача мне не изменяла, я должен все время совершенствоваться. Я должен становиться еще лучше, еще стремительнее, еще сильнее. Мне надо знать все свои слабые стороны. Этому меня учила Селия. «Учись на своих ошибках, но всегда знай, что твои враги будут делать то же самое». Вот почему каждый раз, нападая на новую группу Охотников, я улучшаю контроль над своими новыми дарами.

Я должен тренироваться, и я делаю это сейчас, на бегу: становлюсь невидимым; посылаю молнию сначала левой рукой, потом правой; выдыхаю огонь. До сих пор единственным даром отца, которым я пользовался в бою с Охотниками, была способность становиться невидимым, но в последний раз пуля все равно оцарапала меня – Габриэлю я об этом не говорил. Несколько часов ушло потом на то, чтобы выгнать из царапины яд. Зато я извлек из этого опыта урок, так что Селия была бы довольна. Все дело в том, что я медленно двигался. Задержался на одном месте на полсекунды дольше, чем следовало. Больше такое не повторится. К тому же теперь я могу метнуть молнию, оставаясь невидимым, поэтому мне даже не надо приближаться к врагам. Правда, разряд выдаст им, где я, следовательно, придется учиться делать все на бегу. Я посылаю разряд левой ладонью, падаю на землю и перекатываюсь вправо, одновременно посылая другой ладонью второй разряд.

И еще раз. Быстрее и сильнее.

Еще.

Пока светло, я бегу, а когда темнеет, разбиваю у реки лагерь. В смысле, останавливаюсь и ложусь на землю. Я голоден. Вчерашние суп и сыр я сблевал ночью, после кошмара, а больше есть было нечего. Но прежде чем думать о еде, я должен сделать еще одну вещь: попытаться остановить время. Я вспоминаю, как это делал Маркус: он тер ладонью о ладонь по кругу, с каждым оборотом все плотнее прижимая их друг к другу. Я делаю то же самое и представляю, как все вокруг меня замедляется и постепенно останавливается. Лес так тих, что я задерживаю дыхание, чтобы понять, удалось мне наконец или нет. Но понимаю, что нет: когда время замирает, тишина стоит совсем другая. Жаль, я не спросил отца, как он это делал. Я его о многом не спросил. Но сильнее всего я жалею о том, что мы так мало были вместе.

Золотое кольцо, его подарок, у меня на пальце, я подношу его к губам и целую. Мы и правда провели вместе очень мало времени, зато оно было замечательным. Я учился у отца. С ним я впервые превратился в орла, и мы вместе летали, вместе охотились. Те несколько дней были для меня бесценны. Когда мы с ним были рядом, молча сидели бок о бок, мне казалось, будто я знаю его, а он знает меня.

Я еще раз пробую остановить время, но ничего не выходит, а мне надо поесть. Надо превратиться, стать зверем. По крайней мере, этот дар, мой собственный, данный мне от рождения, приходит ко мне легко, но я редко пользуюсь им сейчас. Я уже не боюсь его, как раньше, хотя знаю, что он переносит меня совсем в другую жизнь. Зверю нет никакого дела до людей, ему наплевать и на отца, и на Анна-Лизу. Помню, когда я еще только учился превращаться, я кричал на зверя, требовал, чтобы он слушался меня, чтобы он понимал. На самом деле это я должен его слушаться, я должен его понимать. Теперь я уважаю его, моего

зверя, мое второе я. Да, он быстр, дик и беспощаден, но он живет в согласии с миром и с собой.

Мне не надо раздеваться, чтобы превратиться. Я встаю, делаю глубокий вдох, представляю волка и...

Мы – мой зверь и я – поймали барсука. Нормально поели. Потом я часа четыре поспал. Крепко, без снов. Так что теперь я бегу дальше уже как человек, тренирую на ходу мои дары и чувствую себя прекрасно: мой бег стремителен, реакции быстры. Солнце заходит уже за полдень, когда я достигаю наконец того места, где убил Охотников. Я замедляю шаг и обхожу поляну кругом.

Земля на ней ровная. Вокруг старые деревья, под которыми ничего не растет. Поляна возникла естественным путем: просто упало большое дерево, прихватив с собой пару других, помоложе; три ствола до сих пор лежат посередине. Это произошло недавно, может быть, осенью; сейчас зима, и, наверное, поэтому поляна кажется такой просторной, светлой, но и холодной. Трупов Охотников на ней нет.

Выходить на поляну я не спешу. Вместо этого я обхожу ее кругом, держась совсем близко, но так, чтобы от открытого пространства меня всегда отделяло хотя бы одно дерево – на всякий случай. Я замыкаю круг, так ничего и не обнаружив. Я уверен, что поблизости никого нет. Почти уверен. На девяносто пять процентов.

Теперь я медленно и тихо, так, чтобы ни один прутик под ногой не треснул, выхожу на поляну и приближаюсь к тому месту, где раньше лежали трупы. Кругом множество отпечатков, но это следы не тех, кого я убил, а живых Охотников; они ведут с поляны, в сторону Севера. Значит, тела забрали. Судя по отпечаткам, Охотников было больше двух, но меньше восьми – то есть шестеро или четверо, они ведь всегда работают парами. Но, честно говоря, я не очень хорошо читаю по следам, так что это просто догадка. И, уж конечно, моих навыков не хватит, чтобы сказать, когда именно были оставлены эти следы, но, судя по тому, что мертвые Охотники лежали здесь три дня, их унесли недавно. Совсем недавно.

Я пробую идти по следу, но скоро теряю его, возвращаюсь туда, откуда начал, пробую опять. И вдруг замечаю поперек отпечатка ботинка еще один след. Он совсем другой – скорее от кроссовки, чем от тяжелого охотничьего сапога. Мое сердце начинает бешено колотиться.

Анна-Лиза?

Дурацкая мысль. Что она тут забыла? Шансов, что это может оказаться она, один на миллион.

Но даже это больше, чем никаких шансов.

Я иду по охотничьему следу, но теперь не упираюсь в него взглядом, а беру шире и вскоре замечаю еще похожие отпечатки. Теперь я стараюсь идти по ним, но получается не так быстро. Нельзя торопиться, иначе упустишь что-нибудь, да и следы попадают нечасто. Невероятно, но факт – я жалею, что рядом нет Несбита. Он лучший следопыт Альянса, но его вечно днем с огнем не сыщешь, когда он нужен.

Я иду по следу весь день, пока солнце не начинает клониться к западу. В сумерках я теряю из виду отпечатки, но мне они больше не нужны. Глядя со склона невысокого холма вниз, в ложбину, я замечаю кое-что получше: между деревьями поднимается вверх тоненькая струйка дыма.

Неужели они так уверены в себе, что решили даже развести костер?

Или это ловушка.

Голос Селии в моей голове говорит:

– Охотники никогда не выдадут себя так близко к тому месту, где погибли двое их товарищей.

Сколько их, я наверняка не знаю. К тому же они могут становиться невидимками, спасибо Уолленду и его магии. В первый раз они воспользовались этим при ББ, и многие Охотники из тех, что я убил с тех пор, тоже обладали этим даром. Но я тоже так могу. И я хочу проникнуть в их лагерь. С ними кто-то есть. Я уверен. Может быть, даже Анна-Лиза. И вполне вероятно, что их всего шесть, не больше. А с шестью я справлюсь.

Шестеро плюс Анна-Лиза. Если они нашли ее, то ведут назад как пленницу. А может быть, и нет. Может, она у них теперь героиня: как же, застрелила Маркуса, и, кто знает, вдруг Габриэль не ошибся, и она с самого начала была шпионкой. Может быть, именно она рассказала Охотникам про квартиру в Женеве и проход к коттеджу Меркури.

Так что я должен взглянуть на нее поближе.

Медленно и бесшумно я спускаюсь вниз, в ложбину, и подхожу к лагерю, петляя между деревьями. Местами земля совсем голая, а местами путь мне преграждают молоденькие деревца и заросли ежевики. Уже в полной темноте я наконец оказываюсь рядом с лагерем, и как только далекий свист мобильных у меня в голове превращается в треск, я становлюсь невидимым и тихо иду дальше.

Вдруг я вижу первую Охотницу, она на посту. Минуту-другую я наблюдаю за ней. Она стоит к лагерю спиной и смотрит в сторону леса.

Если их всего шесть, то четверых они, скорее всего, выставили в караул, а еще двое сейчас отдыхают, едят, а может быть, и спят.

Я пчусь назад и начинаю обходить лагерь по кругу: ищу вторую Охотницу на карауле. Нахожу ее на краю небольшой полянки. Значит, их двое, как я и думал. Я уже возвращаюсь к первой, как вдруг уши мне режет громкий свист мобильного телефона. Третья Охотница! Но я ее не вижу. Значит, невидимка.

Итак, их трое. Но я еще не обошел весь лагерь, так что я продолжаю путь и вдруг – кто бы мог подумать? – снова слышу свист: еще одна Охотница в дозоре. Также невидимка. И того – четверо.

Я прохожу мимо нее и возвращаюсь к первой, той, которая видима. Недалеко от нее я нахожу удобное место для наблюдения и сам становлюсь видимым. Примерно через час слышу шаги – к первой Охотнице со спины подходит другая, она идет от лагеря, значит, уже пятая. Она старше других. Подойдя к первой, она что-то тихо ей говорит. Та кивает и идет назад, в лагерь. Я не вижу ни дыма, ни языков пламени от костра, но думаю, что до него метров тридцать, не больше. В каждом движении старшей Охотницы чувствуется расслабленность: это не лень, а уверенность человека, которому все происходящее не в новинку. Уже за полночь, она наверняка устала, как собака, но ведет себя профессионально: окидывает местность вокруг внимательным взглядом, на секунду задерживаясь на мне, и у меня начинает бешено колотиться сердце. Неужели увидела?

Я замираю. Нет, не могла она меня увидеть. Я же ничем себя не выдал. Сажу в кустах, за деревьями, меня не видно, хоть я и не невидимка. Здесь и надо оставаться. Любое движение может меня выдать. Даже невидимым становиться нельзя: какая-нибудь тень ляжет не так, и это привлечет ее внимание.

Мне начинает казаться, что я дышу слишком громко, и я усилием воли успокаиваю дыхание.

Жду.

И она отводит глаза. Медленно и методично осматривает местность вокруг, но меня явно не видит. Значит, взглянула в мою сторону случайно.

Надо решить, что делать. Охотниц в карауле четверо. Значит, всего их шесть, хотя, может, и больше. Они знают, что кто-то убил их друзей. По следам они наверняка поняли, что убийца был один и действовал ножом. Сообразят ли они, что это был я? Селия наверняка сейчас хлопнула бы себя ладонью по лбу и воскликнула:

– Ну, конечно, сообразят, они же не дуры!

А значит, они будут надеяться, что я еще вернусь. Значит, это ловушка. И снова в моей голове раздаётся голос Селии:

– Ты что, совсем спятил?! Две видимые, две невидимые. Конечно, они хотят, чтобы ты думал, что их меньше, чем на самом деле.

В общем, ловушку они подстроили, конечно, примитивную, но все же это ловушка. Причем единственное, чего они обо мне, кажется, не знают, это то, что я чувствую их мобильные телефоны.

А что они обо мне знают? Знают, что я съел сердце отца; тело-то у них, так что они наверняка догадались. Значит, знают и то, что я получил все его дары. Какие у него были дары, им тоже известно, правда, пока они еще не знают точно, что из них я освоил, а что нет. Но наверняка не сомневаются, что рано или поздно я освою все. А значит, в их интересах меня поймать, причем лучше раньше, чем позже. А еще лучше убить. То есть это наверняка ловушка.

Но кто же играет в ней роль наживки? Неужели Анна-Лиза? Возможно, они знают, что я ее ищу. Может, даже решили, что я хочу ее спасти. Наверное, они захватили ее после битвы.

Если это ловушка, то мне надо уходить. А вдруг это все же Анна-Лиза...

Я уже много месяцев ее ищу. И не могу упустить такой шанс.

Значит, выбор у меня такой...

Вариант первый – уходить. Вернуться к Греторекс и привести сюда ее команду – пусть наконец потренируются на живом противнике. Если поднажмем, то через два дня их нагоним. Это вполне возможно. Но возможно и то, что Охотники скроются, а с ними исчезнет и Анна-Лиза – если это, конечно, она. Да и Греторекс может не согласиться сюда пойти. Скорее всего, так и будет: скажет, что это слишком рискованно, и велит перенести лагерь.

Вариант второй – все разведать, но не нападать. Проверить, с ними ли Анна-Лиза. Это хорошая мысль. Невидимкой я могу пробраться в лагерь, рассмотреть там все, что мне нужно, и выйти обратно. Если это не Анна-Лиза, я вернусь за Греторекс. Или просто уйду и не вернусь. А если Анна-Лиза...

Вариант третий – напасть. Мне еще никогда не приходилось атаковать больше четырех Охотников сразу. Они, конечно, могут превращаться в невидимок, но наверняка предпочтут не делать этого в ближнем бою, из боязни перестрелять друг друга. Так что я всегда смогу убить пару-тройку и скрыться. Если их окажется слишком много, я сбегу, и пусть тогда выслеживают меня по лесу, а я буду убирать их по одиночке. До сих пор я только раз встречал такую быстроногую Охотницу, которая чуть не догнала меня однажды. Но если это ловушка, то этих Охотниц наверняка выбрали за какие-то особые способности, которые они могут использовать против меня, а я не знаю, какие именно. Больше всего на свете я боюсь только одного: высокочастотного шума, который умеет издавать Селия. Против него я безоружен, он делает меня уязвимым, так что я не уверен даже, смогу ли остаться невидимым, если на меня подействуют чем-то подобным.

Значит, вывод такой: атака – безумие; разведка – большой риск; уход – единственная разумная перспектива.

Так тому и быть. Решение принято. Я атакую.

Вариант третий

Я, может, и псих, но точно не самоубийца, а потому планирую свое нападение на самый темный и глухой час ночи – атака будет скорее партизанская, чем героическая. Несколько часов я жду, от холода у меня начинают неметь руки, мне это совсем не нравится, и я осторожно отхожу подальше от лагеря, бегаю минут десять, чтобы согреться, а потом снова возвращаюсь в зону видимости. Я знаю, с чего начну: уберу караул по одиночке, тихо и незаметно. Конечно, будет трудно, ведь две из них – невидимки, но кому нужны легкие задачи? Покончив со стражей, я войду в лагерь и разберусь с теми, кто внутри. Двигаться придется быстро, но спокойно. «Будь профессионалом и не теряй головы», – сказала бы на моем месте Селия. «Убивай быстро», – мой девиз.

Вернувшись на свой наблюдательный пункт между деревьями, я смотрю на первую Охотницу. Опытная, наверняка хороший боец. Значит, нельзя дать ей ни шанса.

Я делаю глубокий вдох, представляю себе воздух, прозрачный и чистый, проверяю, невидим ли я, а затем подхожу к ней осторожно, чтобы не издать ни одного звука. Вот я уже совсем близко. Фэйрборн в руке. Охотница прямо напротив, ее взгляд проходит меня насквозь. Я делаю еще шаг и чиркаю ей ножом по горлу, свободной рукой обхватывая ее тело. Она пытается меня ударить, ее губы движутся, но вместо слов с них срываются капли крови.

Осторожно, как спящего ребенка, я опускаю ее на землю, а сам все время прислушиваюсь. Все тихо, я бегу к деревьям, где сидит другая Охотница – невидимка, и замедляю шаг, только заслышав треск ее телефона. Звук громкий, но вычислить по нему, где она, я не могу. Я останавливаюсь, прислушиваюсь, надеюсь уловить еще что-нибудь: дыхание, неосторожное движение, что угодно. Ничего, только трещит телефон.

Я осторожно делаю шаг вперед. Вокруг темно, но я все же могу разглядеть у себя под ногами потоптанный папоротник и ее следы на нем. Я делаю еще один крошечный шаг, протянув вперед руки, и мне помогает Фэйрборн. Он чувствует ее. Хочет ее крови.

Я позволяю ему направлять мою руку. Нож едва не вырывается из моей хватки, так он напряжен, и я понимаю, что до нее считанные миллиметры. Тогда я отпускаю Фэйрборн, и он, пролетев эти миллиметры по воздуху, входит ей прямо в грудную клетку. Нож так остер, что прорезает сразу и куртку, и кожу, и даже кость почти не замедляет его движения, теплая кровь брызжет мне на пальцы, правой рукой я быстро нашариваю рот Охотницы и зажимаю его, чтобы не дать ей закричать, а другой тяну Фэйрборн вниз, разрывая материю и плоть. Скользкие, горячие кишки вываливаются мне на левую руку. Теперь Охотница уже видима, она корчится на земле, а я стою рядом с ней на коленях и обеими руками зажимаю ей рот и держу челюсть, чтобы она не завизжала. Она совсем молодая, ей лет двадцать пять, не больше.

Я вытираю руки ее одеждой, очищаю Фэйрборн и рискую на несколько секунд стать видимым, так как теперь мне надо двигаться быстрее. До сих пор я двигался очень медленно, и она вскрикнула – негромко, но достаточно для того, чтобы другие насторожились, если, конечно, они хоть на что-то пригодны. Нельзя допустить, чтобы они разбудили весь лагерь.

Мне надо туда.

Я иду так быстро и тихо, как только умею. Огонь в костре почти прогорел, но светит еще достаточно ярко, чтобы я мог разглядеть на земле возле него три укутанные в одеяла фигуры. Дальше, у большого дерева, я вижу еще одну Охотницу, а рядом с ней прикованную пленницу, девушку, – на голове у нее мешок, лица не видно, но она маленькая и хрупкая. Надо сосредоточиться. Итак, четверо Охотниц здесь, две на страже, и пленница.

Я перерезаю ножом горло одной спящей Охотнице, она взбрыкивает, дергается, я перехожу к следующей. Таится уже нечего. Надо действовать быстро; спящие просыпаются, но

пока не могут понять, что происходит. Следующая Охотница успевает встать, но я сбиваю ее с ног, втыкаю ей в горло нож и прыгаю к третьей, но вторая не сдается – истекая кровью, она все же цепляется за мои ноги. В руке у нее, откуда ни возьмись, оказывается пистолет, она стреляет. Я сохраняю невидимость, но теряю равновесие, пуля пролетает мимо, я изворачиваюсь, бью Охотницу ногой в лицо и откатываюсь.

Теперь их поровну – четыре живые, четыре мертвые, и вокруг начинается хаос. Та, что охраняет пленницу, стала невидимкой, она кричит, зовет тех, кто охраняет лагерь. У Охотницы рядом с костром пистолет. Сунув Фэйрборн в ножны, я выпускаю из обеих ладоней две молнии, по одной на каждую. Та, что у костра, взвизгивает и начинает дымиться; я прыгаю на нее, сбиваю на землю, а Фэйрборн в моих руках уже сам знает, куда бить: он вонзается ей в живот и делает рывок вверх. Она снова визжит, тогда Фэйрборн чиркает ее по горлу, и она замолкает. Тут же раздается выстрел, я отталкиваюсь от мертвой Охотницы и перекачиваюсь как можно дальше.

С пятью Охотницами покончено. Я встаю на четвереньки. Шестая, та, что была рядом с пленницей, теперь невидима и движется. Она палит во все стороны, но я не могу понять, откуда именно летят пули. Тогда я просто бросаюсь ничком на землю и жду.

Пальба прекращается. Мои руки мокры от крови, зато Фэйрборн счастлив. Я чувствую, как он вибрирует, как ему не терпится продолжать. Остались еще три Охотницы. И пленница. Я смотрю на нее. Она все еще у дерева, лежит на земле, подтянув колени к подбородку. Тут я замечаю, что опять стал видимым. «Черт! Сосредоточься! Дыши... Думай о воздухе!» Я поднимаю руку – порядок, снова невидим. Мне повезло, что меня не заметили – но вокруг темно, я лежу на земле, к тому же опять стал невидимкой.

Вдруг раздается крик:

– Леди два! – И та, чей голос я слышал, быстро приближается ко мне справа. Это кодовое слово, и наверняка оно обозначает какой-то их план. Надо выбираться!

Я бегу влево, двигаясь как можно быстрее и тише, но не успеваю сделать и трех шагов, как мои мышцы слабеют – сначала ноги, затем руки, а живот сводит судорогой. Я падаю на колени. Утыкаюсь головой в землю, пытаюсь дышать. Меня тошнит. Это какая-то магия. Сильная, но до шума Селии ей далеко. С ней я справлюсь, только бы залечиться.

Я вызываю целительный зуд и бросаюсь к деревьям. И почти добегаю, когда судорога сводит меня снова. Я опять падаю на колени, вокруг свистят и чиркают пули, и тогда я вытягиваюсь на земле и откатываюсь вбок, посылая молнии из обеих ладоней. Ударяюсь о ствол дерева, лечусь, вскакиваю; пальба кругом стоит сумасшедшая, кто-то кричит, я бросаюсь в сторону, на ходу мечу молнии, так часто, как только могу. Все мое тело зудит, исцеляясь, и это, как ни странно, помогает мне сосредоточиться, несмотря на злость и испуг. Я бегу к поляне, посылая молнии и пламя, раздается визг, потом еще выстрелы, но судорога больше не приходит. С ней покончено.

Я обвожу глазами поляну и край леса за ней. Сохраняю неподвижность, но дышу часто, как напуганный. Надо успокоить дыхание. И оставаться невидимым. Судя по тому, что никаких судорог я больше не чувствую, я прикончил ту, которая их посылала, – хотя, может быть, и нет. Вдруг я вижу ее, на удивление близко – она лежит за деревом, наполовину скрытая им, глаза у нее широко распахнуты, рука тянется ко мне.

Значит, Охотниц осталось всего две.

Справа от себя я слышу звук. Посылаю туда молнию. Самую большую, какую только могу. И пробегаю несколько шагов между деревьями. Стрельба начинается снова. Я падаю на землю и замираю.

Тишина.

Я жду.

И жду.

Если я попал, то они станут видимы. Осторожно я поднимаю голову.

Ничего... хотя нет, кажется, я кое-что вижу. Дым. И тут я замечаю седьмую Охотницу. Она еще жива, но стоит на коленях, вся черная. Это ее куртка дымится. Левая рука безвольно висит вдоль тела, правая кое-как сжимает пистолет. Она озирается. Контужена.

И вдруг позади нее начинает проявляться последняя Охотница. Оказывается, моя молния зацепила и ее, хотя она была дальше. Ее лица я не вижу. Она лежит на земле.

Изо всех сил стараюсь оставаться невидимым – «дыши ровно, думай о воздухе» – я медленно подбираюсь к той, что лежит на земле. Ее обожженное лицо почернело. Глаза открыты. Значит, не притворяется. Я позволяю себе стать видимым.

Охотница, стоящая на коленях, тяжело дышит. Я делаю шаг, чтобы она меня увидела, и она поднимает пистолет. Но спустить курок не успевает – Фэйрборн оказывается быстрее. На моих руках новая кровь. На земле передо мной – еще одно тело.

Пленница по-прежнему лежит скорчившись у корней дерева. Ее лодыжки прикованы к стволу. Руки связаны спереди. Грубый холщовый мешок закрывает голову, на шее он перехвачен веревкой, из-под мешковины выбиваются светлые прядки.

Меня трясет. Я делаю вдох, другой, третий.

Руки у меня липкие от крови. Я крепче стискиваю Фэйрборн и хватаю пленницу за плечо. Она отшатывается, но молча. Я перерезаю завязки ее мешка, не обращая внимания на то, что острие Фэйрборна царапает ей шею. Все равно это самое меньшее из того, что заслужила Анна-Лиза. Мешок падает.

Светлые волосы каскадом стекают из-под него, наполовину скрывая лицо. Чьи это волосы, Анна-Лизы?

В темноте не видно.

Она встряхивает головой, освобождая лицо. Во рту у нее кляп, но глаза устремлены прямо на меня. Они голубые, полные страха и серебристого блеска. Глаза Белой Ведьмы.

Мои руки начинают дрожать еще сильнее, но теперь они дрожат от едва сдерживаемой ярости, и Фэйрборн зудит у меня в пальцах, но я вгоняю его в землю по самую рукоять и отхожу в сторону.

Пленница

Костер, рюкзак, спальный мешок: все летит в разные стороны от моих пинков, я осыпаю все отборной бранью. Правда, мертвое тело, которое попадаете мне под ногу, я все же не пинаю, но проклиная и его, как и вообще все в этом поганом лагере. Когда я наконец возвращаюсь назад, к пленнице, то сам уже не понимаю, успокоился я или, наоборот, завелся еще больше. Кто она такая, эта пленница, я не знаю, но точно не Анна-Лиза.

Девушка смотрит на меня широко раскрытыми глазами. В них уже нет того страха, что раньше, и она хочет что-то сказать, но ей мешает кляп, а я не в настроении возиться с ним сейчас. Вместо этого я поворачиваюсь к ней спиной и принимаюсь искать какую-нибудь фляжку с водой, чтобы ополоснуть Фэйрборн и свои окровавленные руки. При этом я ни на минуту не перестаю материться. Это помогает. Чуть-чуть.

Я причесываю лагерь в поисках чего-нибудь полезного: для меня или для Греторекс. Попадаете много всякой всячины, но никаких бумаг, карт или планов. Зато я складываю в один рюкзак воду, еду, ножи, пистолеты и боеприпасы. Еще я нахожу моток веревки, наручники и ключи – наверное, от тех, что на пленнице. И аптечку. Мне она не нужна, но ведь не все в Альянсе лечатся так же хорошо и быстро, как я.

Когда я пробую поднять рюкзак, оказывается, что я едва могу сдвинуть его с места. Я выбрасываю четыре пистолета, одеяло, аптечку; выливаю большую часть воды из канистры, но оставляю боеприпасы и еду. На земле, возле спальника, валяется какая-то одежда. Это оказываются шерстяной свитер и куртка. Я беру их и возвращаюсь к пленнице. Она уже не лежит, а сидит. И смотрит на меня. Я бросаю свитер и куртку рядом с ней на землю, присаживаюсь на корточки и вынимаю кляп.

– Спасибо. Спасибо. Я думала... я боялась, что они меня убьют.

Я кидаю ей ключ и говорю:

– Освободи себе ноги.

– Да, да. Спасибо. – Она нагибается к своим лодыжкам, но тут же спрашивает: – Ты не снимешь с меня наручники?

– Снимай цепь. Мы уходим.

Пока она возится с замком, я вспоминаю кое-что еще. Надо проверить тела на татуировки. Мы в Альянсе впервые обратили на них внимание несколько месяцев назад, как раз перед ББ. Похоже, ими метят тех Охотников, которые могут становиться невидимыми с помощью ненормальной магии Уолленда. И точно – у каждой из убитых мной Охотниц находится такая татуировка. Маленький черный кружок на груди, как раз над сердцем.

Когда я возвращаюсь к пленнице, она уже стоит и топает, разминая ноги. Я освобождаю ей руки. Запястья у нее стертые в кровь. На ней тоненький джемперок, под которым, кажется, совсем ничего нет. Замерзла, наверное.

– Спасибо, – снова повторяет она.

– У тебя тоже татуировка, как у нее? – спрашиваю я, тыча пальцем в ближайшую Охотницу.

– Нет.

Я смотрю на нее.

– Что? Ты мне не веришь?

Я жду.

Она тихо матерится, но все же задирает свой джемперок до самой шеи.

Тело у нее худое и мускулистое, кожа бледная. Татуировки и в самом деле нет.

– Я не с ними. Я хотела вступить в Альянс, – говорит она, опуская джемпер.

– Нам пора. Одевайся. – Я киваю на свитер и куртку на земле. – Согреешься.

Она делает, что я велю. Куртка болтается на ней как на вешалке.

Я достаю из рюкзака новые наручники и снова надеваю их на нее, но на этот раз завожу руки ей за спину. Пальцы у нее ледяные.

Она сначала молчит, потом поворачивается ко мне лицом и говорит тихо-тихо:

– Зачем ты это делаешь? Я же на твоей стороне. Это у них я была пленницей.

– Так говоришь ты.

Она отшатывается от меня и говорит:

– Ну, хорошо, допустим, ты не знаешь, кто я. Но посмотри на меня. Какой вред я могу тебе причинить?

– Так говоришь ты.

Интересно, что у нее за дар? Немного подумав, я подхватываю с земли веревку, кляп, мешок и запикиваю все это вместе в карман ее куртки.

– Зачем они тебе? – спрашивает она, в ее голосе слышна паника.

Напоследок я снова обыскиваю лагерь. Уже светает, но даже при свете я не нахожу ничего нового. Взвалив на спину рюкзак, я возвращаюсь к девчонке.

– Ладно, – говорю я. – Пошли.

– Куда мы идем?

– Туда, – говорю я и толкаю ее вперед. Сначала она чуть не падает, но потом начинает покорно шагать впереди.

– Быстрее, – говорю я ей.

И она прибавляет шаг. Ее тело напряжено, и я вижу, что связанные за спиной руки мешают ей сохранять равновесие. Что ж, ничего не поделаешь.

Через полчаса она снова замедляет ход, и мне приходится подталкивать ее в спину. Она говорит:

– Ты ведь из Альянса, верно? Ты же туда меня ведешь? Я пыталась сбежать к ним, но Охотники меня выследили.

– И сделают это снова, если будешь ползти как черепаха.

– Может, ты лучше развяжешь мне руки?

– А может, я лучше заткну тебе рот?

Она умолкает и снова прибавляет шаг.

Где-то через час она опять сникает, и, сколько я ни злюсь, ни матерюсь и ни пихаю ее в спину, ясно, что она свое отработала. Приходится делать остановку. Я даю ей воды и скормливаю шоколадку, которую она кусает так жадно, что я чуть не остаюсь без пальца.

С полным ртом шоколада она жалуется мне:

– Они меня почти не кормили!

Я даю ей немного отдохнуть, потом говорю:

– Вставай. Надо идти.

– Я, кажется, не смогу.

Я понимаю, что тут главное подобрать правильную мотивацию, и меняю тактику.

– Я ухажу. Возвращаюсь на базу Альянса. Ты можешь пойти со мной, но только с моей скоростью, или оставаться здесь, где тебя скоро подберут Охотники. – И я поворачиваюсь к ней спиной и начинаю шагать прочь.

Разумеется, скоро она уже бежит за мной, спотыкается, но не отстает. Я уже приноровился к ее шагу и бегу не слишком быстро, но делаю круг, чтобы проверить, не оставляет ли она каких-нибудь особых следов или знаков. Но нет, ничего такого я не нахожу.

Несколько часов спустя она снова начинает отставать. Через пару минут я совсем теряю ее из виду. Останавливаюсь и жду, но она не появляется.

Черт!

Вернуться, что ли?

Я возвращаюсь.

Она недалеко, стоит на земле на коленях. Когда я приближаюсь, она поднимает на меня глаза, по ее щекам текут слезы, она шепчет:

– Я так устала.

– Плохо. Нам надо бежать.

Она пытается встать, но у нее подгибаются колени, а со связанными за спиной руками она не может балансировать.

Черт!

Я подхожу к ней и рывком ставлю ее на ноги. Она легкая, как перышко.

– Впереди небольшой ручей. Наберем там воды и отдохнем. – Я освобождаю ей руки и добавляю: – Только попробуй... Любой неверный шаг, любая проблема, любой... короче, что угодно, и я сразу перережу тебе глотку.

Он часто кивает и говорит:

– Спасибо.

Честно говоря, я понятия не имею, далеко ли до ближайшего ручья. Помню, что пересек два на пути туда, а вдоль русла одного из них даже бежал какое-то время. Так что мы продолжаем двигаться дальше, медленно, правда, но ничего, раз девчонка встала, значит, будет бежать, никуда не денется.

Наконец мы видим ручей. Вода в нем течет медленно, зато она чистая. Я наполняю канистру и наблюдаю за тем, как жадно пьет девчонка. Потом нахожу в рюкзаке еще одну шоколадку и отдаю ей.

Она ест медленнее, чем в прошлый раз. Покончив с едой, она говорит:

– Я Донна.

– Привет, Донна. Я Фредди.

Она слегка улыбается. Похоже, она понимает, что я никакой не Фредди, но вот знает ли она, кто я такой на самом деле?

Я встаю на ноги и говорю:

– Пора двигаться дальше, Донна.

– Я думала, мы здесь заночуем.

– До темноты еще пара часов. Так что давай, шевели ногами.

Когда уже совсем темнеет, я говорю Донне:

– Вот хорошее место для ночлега. Здесь и остановимся.

Она ничего не отвечает, только складывается пополам и опускается на землю. Мы много прошли с ней сегодня, но это еще пустыки в сравнении с тем расстоянием, которое могут покрыть за день Охотники. Донна неплохо бежит, только уж больно худая и слабая на вид.

Холодает, а ей надо беречь энергию для бега, поэтому я развожу небольшой костер и готовлю на нем пару порций сушеной еды, которую нашел в лагере Охотников. Она съедает обе. Не знаю, связывать ей руки или нет, но все же связываю – на всякий случай. Она даже не жалуется, просто ложится и засыпает. Я подбрасываю в костерок еще пару веток и отправляюсь посмотреть, нет ли за нами погони.

Я бегу назад, туда, откуда мы пришли, и часто останавливаюсь, прислушиваясь к шорохам или треску мобильных телефонов. В темноте я бегу быстро. Вижу я, правда, не очень хорошо, зато могу чутьем находить дорогу. Так я пробегаю почти половину пути до лагеря Охотников, но ничего не замечаю. Итак, если это была ловушка, и она не сработала, то что бы я стал делать на месте Джессики, моей сестры и старшей Охотницы?

Во-первых, услышав про лагерь, Джессика сразу поймет, что я могу справиться с восьмью Охотниками в одиночку. А значит, пошлет за нами в погоню больше народу. Она навер-

няка сообразит, что мы направляемся в лагерь Альянса, так что по нашему следу пойдут уже не восемь, а восемьдесят восемь. Но на то, чтобы собрать нужное количество Охотников в нужном районе, у нее уйдет время, может быть, даже целый день. Мы оставляем не так много следов, но Охотники на то и Охотники, чтобы найти нас по ним. У нас, правда, есть день форы, а то и полтора, если повезет. Но этого все равно мало. Мне надо доставить Донну в лагерь номер три, а Греторекс надо успеть либо подготовиться к бою, либо перенести лагерь. Она, конечно, предпочтет перенести.

Я возвращаюсь засветло и снова развожу костер. Донна спит. В лесу тихо. Я ложусь и закрываю глаза. Соснуть часок-другой мне тоже не помешает.

Мы с Анна-Лизой в лесу. Она убегает от меня, а я преследую ее, но это игра. Она смеется и уворачивается, а я сначала только притворяюсь, будто не могу ее поймать, но потом, когда я пытаюсь схватить ее уже всерьез, она оказывается проворнее и ускользает, и смеется, смеется надо мной. А я бешусь и стараюсь еще сильнее, но она отскакивает и ускользает, на ее губах улыбка, она смеется, я с ума схожу от злости, у меня в руке оказывается Фэйрборн, и я проклинаяю ее, но она все смеется и смеется, а потом вдруг умолкает, останавливается прямо передо мной и произносит: «Ты мой принц. Мой спаситель». Но я уже так зол, что ударяю ее ножом раз, другой, Фэйрборн кромсает ее так жесточно, что у меня начинает болеть рука.

Я просыпаюсь и открываю глаза. Раннее утро. Рука у меня затекла и онемела.

Я поворачиваю голову и встречаю взгляд Донны.

– Плохой сон? – спрашивает она.

– А бывают другие?

Она улыбается, но тут же опускает глаза и очень тихо говорит:

– Нет.

Мы продолжаем путь. Донна сегодня как будто окрепла. Наверное, в плену у Охотников она мало спала от страха. Но кто бы она ни была на самом деле – несостоявшийся борец за свободу, шпионка или просто запутавшаяся и печальная ведьма-подросток, чьи родители встали на сторону Сола – мне-то что за дело? Пусть Греторекс разбирается.

За день мы проходим большое расстояние, держа хорошую скорость, с частыми, но короткими остановками. На одной из них я отдаю Донне последнюю шоколадку, а она ломает ее на две части и одну протягивает мне.

Я говорю ей:

– Сама ешь.

– Спасибо.

– Это не от того, что я добрый. Просто я мыслю рационально. Есть будем только вечером, а тебе нужны калории.

Она снова улыбается своей всегдашней короткой улыбкой и говорит:

– Ладно.

Потом добавляет:

– Эти Охотники, которые меня поймали, были такие злые... жуть. Они надели мешок мне на голову, сунули кляп в рот и как будто забыли, что я вообще существую. А еще они... много болтали. О ловушке, которую они приготовили для колдуна по имени Натан. Он знаменитость. Сын Маркуса. Наполовину Белый, наполовину Черный. Они говорили, что он убил много Охотников. Но, знаменитый или нет, а против них у него нет шансов, так они говорили. По крайней мере две из них были отборные Охотницы, элита. Ловушка состояла в том, что они делали вид, будто их всего четверо, чтобы он решил, что справится с ними. При этом невидимками могли становиться они все, а еще у одной был странный дар – насы-

лать боль на расстоянии так, что человек сгибался от нее пополам, а другая могла ослеплять своим даром. В общем, они собирались захватить его, а потом отвести нас обоих на Совет и там казнить. – Бросив на меня взгляд, она тут же отводит глаза. – В общем, этот парень, Натан, судя по всему, тот еще убийца, но он работает на Альянс, и поэтому я рада, что он не попал в ловушку, а еще я рада, что меня спас именно ты, Фредди.

Я делаю вид, будто тру лицо, чтобы скрыть улыбку.

– Ага.

– Хотя я знаю, что ты мне не доверяешь, но это нормально. В смысле, я понимаю почему. И это не значит, что я тебе не благодарна.

– А они не говорили, есть здесь поблизости еще Охотники?

– Нет. В смысле, не говорили. Только болтали про какую-то базу, как передать туда информацию и все такое, но далеко это или близко, я не поняла.

– Нам надо идти. Где бы она ни была, эта база, она все равно слишком близко к нам.

И мы продолжаем путь. Время уже за полдень, но погода стоит мрачная. Первые редкие капли дождя быстро превращаются в морось. Правда, деревья защищают нас от самого худшего, но под ними все равно сыро, промозгло и холодно. Если бы не Донна, я бы уже давно был с Габриэлем, а так – нам еще повезет, если мы доберемся завтра к вечеру. К тому же в этой грязи невозможно не оставлять следов.

Когда становится совсем темно, я выбираю место для ночлега. Дождь, похоже, весь вылился, но кругом все равно мокро. Суше и чище всего оказывается под большим деревом. Мы садимся под ним и некоторое время сидим, укрывшись от сырости, но тут Донну начинает бить дрожь.

– Нам нужны дрова на костер. Пошли. – Я ставлю ее на ноги.

– Я устала. Можно, я подожду здесь?

– Нет. Будешь помогать, заодно погреешься.

Мы вместе выходим из-под дерева, Донна действительно принимается помогать и скоро набирает целую охапку веток. Но я говорю ей:

– Не годятся, они почти все сырые.

– Лучше, чем ничего, – говорит она, выразительно глядя на мои пустые руки. – Пойду отнесу под дерево.

Я отпускаю ее, а сам продолжаю поиски. Дождь припускает снова, еще сильнее, чем прежде, и я понимаю, что все бесполезно. Сухих дров нет.

Я возвращаюсь к укрытию под деревом. Донна роется в большом рюкзаке, запустив в него обе руки. Кое-что из его содержимого валяется по обе стороны от нее. Рядом с ней лежит пистолет. Я бегу к ней, выпуская на ходу молнию, которая ударяет в землю прямо перед ней. Она испуганно съеживается.

– Что ты делаешь? – кричу я.

– Еду искала! Я хочу есть.

Я тяжело дышу. Она смотрит на меня.

– Просто я хочу есть. От сухой еды мало толку. Я думала, может, найду еще шоколадку или батончик.

Громко матерясь, я хватаю ее за руки и связываю их у нее за спиной.

– Будешь знать, как в моих вещах рыться.

И снова складываю рюкзак, старательно счищая липкую грязь с каждой выброшенной вещи. Патроны лежат в самом низу. Пистолеты не заряжены. Что она искала? Заряженный пистолет? Или патроны? А может, действительно еду?

Я отбираю самые сухие ветки из тех, что принесла Донна, и поджигаю их пламенем изо рта. Донна со страхом отодвигается от меня подальше. Огонек получается жидковатый. С

трудом согрев на нем немного воды, я развожу ею еду из пакетов. Вкус у нее отвратительный, но я съедаю одну порцию сам, а вторую скармливаю Донне.

Она почти все время молчит, только пару раз просит прощения. Я, ни слова не говоря, привязываю ее к дереву и ухожу проверить погоню. Никого. Тогда я возвращаюсь к костру и сижу над ним до утра. Дождь то перестает, то снова припускает. На рассвете я опять подогреваю немного воды и готовлю нам завтрак. Говяжье рагу. Разрезав на Донне веревку, я приглашаю ее поесть.

– Спасибо... – украдкой она бросает на меня взгляд. – Я больше не буду делать глупостей. Обещаю.

– Заткнись.

– Фредди, я правда...

– Я сказал, заткнись.

Она умолкает, и, поглядев на нее, я вижу, что она опять плачет. Тогда я затаптываю огонь, бросаю в рюкзак вещички, вздергиваю ее на ноги, и мы уходим. Утро сырое и холодное, так что бег – единственный способ выгнать озноб из костей. Хорошо еще, что Донна бежит с хорошей скоростью и не болтает.

К концу дня мы прибываем в лагерь номер три с половиной. Габриэля нет, и, похоже, уже не первый день: пепел в костре холодный, а мои пятьдесят два камешка лежат втоптаные в грязь там, где он их оставил. Значит, он в третьем лагере, у Греторекс. Сидит и ждет, надеется, что я приду за ним. Так он заставляет меня встречаться с Греторекс. Но на этот раз я и сам туда собираюсь.

Донна уже сидит на земле у прогоревшего костра, когда я говорю ей:

– Десять минут – и мы уходим.

– Я думала, мы будем здесь ночевать.

– Зря ты так думала.

– Я устала.

– Я тоже.

– Но мы ведь уже почти пришли, да? – При этих словах она чуть заметно улыбается и глядит на меня снизу вверх, наверняка понимая, что ведет себя сейчас как маленькая.

– Скоро мы будем в лагере Альянса.

– Правда? – Донна приободряется, но тут же с подозрением щурится. – Скоро – это, по-твоему, когда: через час или через день?

– Если с моей скоростью, то через час. Если с твоей – и в три дня не доберешься.

Ее плечи заметно опускаются, но она все же говорит:

– Спасибо, Фредди. За то, что привел меня сюда. Ты ведь мог бросить меня там, я знаю.

Я отпиваю глоток воды и передаю остальное ей со словами:

– На вот, заткнись и пей.

Она тоже делает глоток и тут же начинает снова:

– Фредди, я...

– Может, хватит уже доставать меня этим гребаным Фредди?

Она коротко улыбается.

– Конечно. К тому же это имя тебе совсем не подходит. Ты кто угодно, но точно не Фредди. – Она делает еще глоток, а потом тихо и осторожно добавляет: – Но, даже если бы ты выбрал себе имя поудачнее, думаю, я бы тебя все равно узнала. Ты ведь по-настоящему знаменит, знаешь? Я честно говорю. Я рада, что повстречала тебя, и я на самом деле очень благодарна тебе... Натан.

– Ага.

Она качает головой.

– Ты знаменит потому, что ты – сын Маркуса. Потому, что ты полукод. Потому, что ты плохой... злой. Просто отвратительный.

– Ты что, нарочно меня бесишь?

– Я пытаюсь с тобой поговорить. – И она добавляет еще одну улыбку.

– Я не из тех, кто много болтает. Но ты права, в основном я отвратителен. Иногда бываю очень зол. Иногда просто делаю плохие вещи. Так что смотри, как бы я и с тобой чего-нибудь не сделал. А потому лучше заткнись и поднимайся, идти пора.

– Тебе нравится быть грубым, ведь так? Тебе так легче.

– Мой отец перерезал бы тебе глотку еще там, в лагере. А Охотники отвели бы тебя назад, к Белым Ведьмам, которые замучили бы тебя до смерти.

– То есть теперь ты хочешь сказать, что ты на самом деле хороший?

– Вот и не забывай об этом.

– Не забуду. Ты прав: ты спас меня, и я тебе благодарна. Только тебе идет быть грубым.

– Кляп все еще у тебя в кармане, не забудь. По-моему, он тоже тебе очень шел.

Она смеется в ответ и говорит:

– Вот видишь, именно это я имела в виду. Тебе просто нравится быть грубым.

– Экономь дыхание. Пошли.

Я опять ставлю ее на ноги, и мы отправляемся.

В лагере

К лагерю номер три мы приближаемся в темноте, под дождем. Впереди маячит охрана, и я на ходу кричу:

– Это я, Натан! Пароль «Пояс Ориона».

Грохочет выстрел, пуля ударяется в дерево за моим плечом.

Я толкаю Донну на землю и сам откатываюсь вправо. Становлюсь невидимым, подбегаю к охраннице, ударом снизу вверх выбиваю у нее из руки пистолет, ее бросаю на землю. Она пробует встать, но я рукояткой пистолета бью ее в лицо, она опять падает, из носа у нее течет кровь.

Я тяжело дышу и становлюсь видимым. Девушка таращит на меня глаза. Она новенькая.

Прибегает Греторекс и, наставив на меня пистолет, вопит новенькой:

– Доложить как полагается!

Другая новенькая появляется справа от меня, еще одна – слева. И все трое держат меня на мушке. А я наставляю свой пистолет на девушку на земле, которая, несмотря на сломанный нос, громко вопит:

– Пароль! Он назвал неверный пароль!

Греторекс подходит ко мне, все еще целясь мне в голову из пистолета. Она спрашивает:

– Какой пароль?

– Не знаю. Ты его поменяла, а мне никто не сказал.

– Зачем тогда нападать на мою охрану?

– Она в меня стреляла!

– Если не докажешь, что ты и вправду Натан, я сама в тебя выстрелю.

– Мне что, стать невидимым, послать молнию, выдохнуть огонь и поджарить вас всех на месте? Это будет считаться доказательством?

Тут прибегает Габриэль, сразу оценивает ситуацию и спрашивает:

– В чем дело?

Греторекс объясняет.

– Этот тип утверждает, что он Натан. Но, может, он только притворяется.

– Да иди ты, – говорю я ей. Поверить не могу, что она серьезно, но ее пистолет по-прежнему смотрит на меня.

Габриэль говорит:

– Ругается он точно как Натан, хотя, с другой стороны, любой болван может не хуже.

Я посылаю и его, не зная, шутит он или нет.

– Скажи ей, что это я, Габриэль.

Он подходит ко мне, кладет мне на грудь ладонь и заглядывает прямо в глаза.

– А это правда ты? – Потом он придвигается ко мне так близко, что наши тела соприкасаются, и шепчет мне в ухо, щекоча мне шею своим теплым дыханием: – Тебя долго не было. Куда ты пропал?

Я поворачиваюсь к нему и также шепотом отвечаю:

– Да, бля, пропал я, пропал, заблудился, на хрен, и еще залез на сраный Эгер.

– Близко, хотя и не совсем точно...

– Я передаю дух, а не букву.

Габриэль оборачивается к Греторекс и говорит:

– Это он. Но ты все равно можешь пристрелить его, когда захочешь.

– Звучит заманчиво, – отвечает она, но пистолет опускает.

Девушка у моих ног хочет встать, но я носком ботинка снова толкаю ее на землю.

– А ты лежи тихо, ты меня чуть не убила.

За нее вступается Греторекс:

– Ты сам назвал неверный пароль, Натан. А она только выполняла свою работу.

Тогда я сую пистолет в руки Греторекс и говорю:

– Ну, тогда скажи ей, пусть целится вон в ту девчонку, вон там. – И я показываю на Донну, которая уже встала с земли и теперь с нервной улыбкой на лице и связанными за спиной руками приближается к нам. – Она была в лагере Охотников. Они ее связали: говорит, за то, что она хотела вступить в Альянс, но она может оказаться лазутчицей или шпионкой. Короче, разберитесь. А я хочу есть и спать.

– Подожди! Так ты был в лагере Охотников? Где он?

– В двух днях пути.

– Они тебя выследят.

– Их уже нет в живых, но ты права, могут прийти другие.

Греторекс не матерится, хотя ей хочется, я уверен. Она отдает своим подопечным приказ проверить мой след и поворачивается к Донне, а я ухожу с Габриэлем в лагерь.

Мне нужно расслабиться, но, едва сделав в лагерь шаг, я тут же напрягаюсь. Он состоит из ровных рядов палаток, у которых стоят сейчас новенькие с пистолетами в руках и все как один смотрят на меня. Я замедляю шаг, Габриэль подходит ближе и говорит:

– Они слышали выстрелы. И наверняка испугались.

– Стреляли-то в меня. Как, по-твоему, я себя должен чувствовать?

– Давай присядем. – Габриэль чуть не силой усаживает меня у костра на землю и сам опускается возле меня. – Все хорошо. Ты просто перенапряжен.

Я сижу и смотрю в огонь, Габриэль рядом, так близко, что мы касаемся друг друга плечами. Я тихо говорю:

– Я думал, что с Охотниками была Анна-Лиза. Но это оказалась не она, а Донна. – Я смотрю на новеньких: они сбились в кучу, некоторые все еще косятся на меня со страхом.

– Ты дрожишь, Натан.

– Я хочу есть. И здорово устал. – Конечно, это тоже причина.

– Принести тебе поесть?

– Погоди немного. – Мы еще некоторое время сидим и смотрим в огонь, потом Габриэль встает и идет поискать мне какой-нибудь еды. Возвращается он все с тем же супом из пакетов, но он оказывается ничего на вкус, и теплый. Я перестаю трястись.

Габриэль говорит:

– Попытайся заснуть. А я с тобой посижу. – И я ложусь, продолжая смотреть в костер еще какое-то время.

Вокруг меня снимается с места лагерь. Новенькие носятся туда-сюда, перетаскивают какие-то вещи, а я сижу на земле и ем овсянку – по крайней мере, мне кажется, что это именно овсянка: плотная масса из серых застывших комков, которую я выскребаю со дна помятого котелка.

– Мы скоро выходим, – говорит, подходя ко мне, Габриэль. Солнце едва взошло, но я знаю, что скажет Греторекс – чего мы тут копаемся.

Я протягиваю ему котелок и говорю:

– Хочешь? На вкус чистая гадость.

Он трясет головой.

– Я уже поел.

– Где ты был? – Я старательно сдерживаю по-детски обиженные нотки. Но ведь он обещал, что посидит со мной, пока я буду спать, а когда я проснулся, то увидел Греторекс, а его рядом не было.

– Греторекс просила меня поговорить с Донной.

– А что ты попросил у нее взамен? – Я уже предчувствую, что он скажет, как просил ее посидеть со мной, подежурить, словно возле грудного младенца, и мне становится тошно.

Он сначала молчит, но глаз не отводит.

– Я сказал ей, что у тебя бывают кошмары и чтобы она дала тебе хорошего пинка, если ты вдруг начнешь вопить или визжать.

Я посылаю его подальше, но он наклоняется ко мне и говорит:

– Я просил ее позвать меня, если ты проснешься.

Я швыряю котелок в огонь – очень по-взрослому, ничего не скажешь. Я действительно видел сон – не из тех, после которых просыпаешься в холодном поту, обливаясь слезами и бормоча проклятия, – но об этом ему необязательно знать.

– Так ты расскажешь мне, что случилось после того, как ты сбежал из нашего лагеря, пригрозив мне ножом?

– Я зря так сделал.

– Зря.

– Я был... Еще раньше я повстречал двух Охотников. И убил их. – И я рассказываю все про них, и про другой лагерь, и про Донну. Без подробностей: он и так догадается, как было дело.

Габриэль говорит:

– Греторекс хотела, чтобы я попробовал расколоть Донну.

– И?

– Кажется, с ней все в порядке. Или, по-твоему, она шпионка?

Я пожимаю плечами.

– Это же ты говорил мне, что у шпионов на лбу не написано, шпионы они или нет.

– Да, кажется, говорил. Очень мудрое замечание, как ты считаешь?

– Так что говорит Донна, о, мудрейший?

– Что она сбежала из Англии пару недель назад, когда там стало совсем худо. Арестовали ее мать. Отец умер еще раньше. Она перебралась во Францию, а оттуда сюда.

– И все?

– Это вкратце. А вообще она довольно разговорчивая. Ничего не скрывает. Много говорит о тебе. Ты ей понравился.

– Я спас ей жизнь... вырвал ее из когтей зла.

Мы сидим молча, потом Габриэль замечает:

– Она говорит, что их было восемь. Охотничья элита, две с сильными дарами.

– Видимо, не такими уж сильными.

Но Габриэль с тревогой и печалью в голосе добавляет:

– Тебя могли убить.

– Меня могли убить на входе в этот лагерь вчера вечером.

Но я знаю, что он прав. Та, с даром насыпать боль, заставила меня помучиться. Наверное, у нее был все же не самый сильный дар или она не умела контролировать его в бою как следует, но на смену ей придут другие, и они будут сильнее. Так что мне просто повезло, как и в том, что ту, которая умела ослеплять на расстоянии, я случайно прикончил еще в самом начале.

Мы слышим голос Греторекс:

– Через две минуты выступаем. Готовьте вещи.

Габриэль хочет встать, но мне надо сказать ему еще кое-что.

– Все Охотницы были женщины. Некоторые спали, когда я их убивал. Одна пыталась бежать, но я перерезал ей горло. Другим выпустил кишки, а кое-кого заживо спалил молниями, которые выпустил из рук.

Габриэль снова садится, теперь уже совсем близко ко мне, и кладет ладонь мне на ногу.

– Это же война.

– Значит, я герой войны, а не психованный убийца?

– Ты нисколько не психованный, и ты совсем не убийца. Ты вообще не плохой. В тебе нет зла. Ты – человек, попавший в тенета кровавой войны, и она выедаёт тебе душу, сводит тебя с ума, что лишний раз доказывает, насколько ты нормален.

Ни одному нормальному против них не выстоять

Греторекс выводит нас из лагеря. Нас человек двадцать. Каждый несет свой груз. Даже Донна тащит на спине здоровый рюкзак, хотя руки у нее связаны спереди. Мы шагаем в затылок друг другу. Смысл в том, чтобы пройти через уже готовый проход, а потом закрыть его за собой, оставив лагерь пустым и без единого намека на то, куда мы делись. Как говорит Греторекс, он свое отслужил.

Греторекс классная. На ее месте многие стали бы обвинять меня, говорить: «Это все из-за Натана, если бы не он, нам ничего не пришлось бы делать», но она все видит совсем в другом свете. Она понимает, что перемены неизбежны и что они – часть ее работы.

Я отстаю от своих, потом останавливаюсь и прислушиваюсь, нет ли Охотников. С них станется – напасть, пока мы переносим лагерь и особенно уязвимы, занятые делом. Но я ничего не слышу. Я кладу свой груз на землю и несколько минут бегу по нашим следам обратно. Я знаю, что посланцы Греторекс уже проверили и перепроверили там все, но лиш-ний глаз все равно не помешает.

Пусто.

Я возвращаюсь, подхватываю свой груз и догоняю наших, когда те уже скрываются в проеме. Греторекс ждет, когда пройдут все, сама идет последней. Тех, кто умеет делать проемы, вообще мало. В Альянсе остался всего один такой человек. Маркус мог, но я пока понятия не имею, как подступиться к этому дару. Зато закрыть проход может любой, тут не нужны никакие особые умения, только немного взрывчатки.

Когда мы все оказываемся на той стороне, Греторекс достает гранату, выдергивает чеку, мы с Габриэлем хватаем ее за левую руку, а правую она опускает в проход вместе с гранатой. Он затягивает ее, но мы упираемся ногами в землю и тянем ее на себя, а она выпускает гранату. Та взорвется еще внутри тоннеля, но через пару секунд он потеряет магическую силу и растает в ничто.

Мы проверяем – проход закрыт.

Через пару часов лагерь номер три разбит на новом месте, все устроено и выглядит так, словно мы здесь уже сто лет. Оказывается, Греторекс с Селией давно приглядели это место. Греторекс – профессионал и ведет себя спокойно, но я чувствую, что новенькие напряжены, они все на нервах и, похоже, во всем винят меня. Это видно по тому, как они сбиваются в кучу при моем появлении и начинают бросать на меня косые взгляды. По-моему, Греторекс тоже это заметила. Она не дает им расслабиться, заваливает заданиями: разбивать палатки, охранять периметр лагеря, готовить. А в конце дня решает провести тренировку по борьбе.

Мы с Габриэлем наблюдаем за спарринг-партнерами. Донна тоже смотрит, сидя напро-тив нас со связанными руками.

Греторекс дает себе отдохнуть и подходит к нам, посмотреть с нами вместе. Я спра-шиваю:

– Что с Донной?

– Говорит, что хочет в Альянс, но после ББ Селия строго-настрого наказала не брать никого, кроме тех, кто прошел контроль зельем правды.

– И какие результаты?

– У нас нет зелья. Я отправила в главный лагерь сообщение о том, что нам нужно зелье, а пока она пленница.

– А что тебе подсказывает чутье? Кто она, шпионка или нет?

– Мне она нравится. У нее хороший характер. Она умная, сообразительная и совсем не заносчивая. Правда, ей нравишься ты, и это меня удивляет.

– Очень смешно.

– Вовсе нет, в моих глазах это свидетельство того, что она умеет разбираться в людях.

Она тебя защищает.

Интересно, от кого.

Греторекс кивает на своих учениц и спрашивает:

– По-моему, они стали выглядеть лучше, тебе не кажется?

– Да, лучше. Но все равно они рыхлые и неповоротливые.

– Я бы рискнула выпустить их против тебя в честном бою.

Я качаю головой.

– Хочешь попробовать? Им будет полезно. Четверо лучших против тебя одного. Только, чур, никого не убивать.

– Если они у меня выигрывают, я убью себя.

Греторекс улыбается.

– Ладно, уговорил. Четверо их плюс я – против тебя одного.

Греторекс – хороший боец, она почти не уступает Селии. Я качаю головой и говорю:

– Не хочу делать тебе больно, Греторекс.

– Ничего, на мне все зарастет. Как и на тебе. А может, ты просто испугался бывшей Охотницы и четырех ее учениц, а? – Греторекс маленькая и худощавая, но она быстрая, крепкая и смертельно опасная, потому что умная.

Я поворачиваюсь к Габриэлю и спрашиваю:

– Что скажешь?

– Надеюсь, они надерут тебе задницу совместными усилиями.

– Ну, давай, собирай свою команду, – соглашаюсь я.

Греторекс, потирая ладони, выкрикивает:

– Софи, Скотт, Адель, Кирсти!

Те подходят. Я узнаю Кирсти – она здоровая, медлительная и сильная. Скотт, наоборот, быстрый и энергичный, то же и Софи. Адель, наверное, из другого лагеря – раньше я ее не видел. Греторекс проводит с ними подготовительную беседу, которая сводится, в общем-то, к одному: она нападет на меня первой, а пока я буду занят ею, пусть они наваливаются на меня со всех сторон и делают, что смогут. Когда она заканчивает свою речь, я говорю ей:

– Ты не сказала, что им делать, когда я убью тебя.

Греторекс с улыбкой отвечает:

– Когда будешь молить о пощаде, я тебе припомню. – Ее подопечные кивают и пытаются выглядеть круто.

Я выхожу на середину, и они тут же окружают меня с тыла – почему-то думают, что это им поможет. Наверное, считают, что со спины я более уязвим, но они ошибаются – я буду двигаться быстро. Моя главная проблема в том, чтобы никого не убить и не искалечить.

– Никаких даров, – предупреждает меня Греторекс. – Никаких невидимок. – Мы тренировались так и раньше, так что это тоже будет совсем не трудно.

– И никаких ножей с пистолетами, – отвечаю я. – И дубинок тоже. – Знаю я эти ее штучки.

– Конечно, нет – за кого ты нас принимаешь? – говорит она и вытягивает вперед руки, как будто хочет показать, что они пустые.

Я жестом подманиваю ее к себе, остальные рассыпаются вокруг нас.

Селия обучила меня отличной технике, но ей же она обучила и Греторекс, зато я крупнее, сильнее и быстрее, чем она. Если я вырублю ее быстро, ученицы попадают одна за другой, как яблоки с ветки. Надеюсь, никому из них не придет в голову пуститься наутек. Я всегда особенно жесток с теми, кто убегает.

Греторекс делает шаг назад, я – вперед, и тут новички наваливаются на меня всей кучей. Значит, натаскивание перед боем было уловкой: они все спланировали заранее. Я вырубая Скотта прямым ударом в лицо, Адель через долю секунды – локтем, но тут мои почки взрываются от боли, я падаю на колени и лечусь. Я пытаюсь откатиться, но тут кто-то хватается меня за ноги, а Греторекс пинает меня в лицо.

Во рту у меня кровь, зуб шатается, но я тут же лечусь и протягиваю руку, чтобы схватить Греторекс, а той уже нет, и тогда я изворачиваюсь и наношу мощный удар девчонке, которая держит меня за ноги. Меня снова бьют по почкам, но я успеваю перехватить чужую ногу и заламываю ее в сторону. Судя по хрусту и крику, понимаю, что сломал. Потом вскакиваю и вижу только Греторекс и Кирсти, – хотя Адель, похоже, уже приходит в себя. Я делаю ложный выпад к Кирсти, а сам прыгаю и бью Греторекс ногой. Но у нее отменная реакция, она уходит в сторону раньше, чем моя нога долетает до ее лица, я лишь слегка зацепляю ее скулу. Кирсти заходит сзади – это хороший маневр – и обхватывает меня со спины обеими руками – это плохой, потому что я резко закидываю голову назад и ломаю ей нос. Но она все равно держит, не отпускает, и тогда я повторяю удар еще раз и добавляю пинок в голень. Она падает. Тут я разворачиваюсь к Адель, которая уже очнулась и идет на меня, и бью ее в лицо, но, пока мой кулак еще свистит в воздухе, ее лицо меняет цвет, и я чувствую такую сокрушительную боль в руке, как будто я со всего размаху врезался в железо. Кажется, у меня сломаны пальцы. Я отскакиваю назад и лечусь. Адель фыркает, ее лицо снова становится обычным, бледным.

– Как начет драки без даров? – кричу я.

Адель пожимает плечами.

Я делаю то же и говорю:

– Давай поглядим, что получится, если я пошлю в тебя молнию.

Греторекс встает между нами и говорит:

– Нет! Никаких даров – Адель еще учится контролировать свой. Она...

Я бью Греторекс ногой в голову и на этот раз попадаю точно, она растягивается на земле.

– Что, уже и спросить нельзя?

Мы с Адель остаемся один на один. Я бью ее ногой с разворота, она опять сереет. Ощущение такое, как будто лягнул автомобиль. Я лечусь и делаю ложный выпад – посмотреть, как она отреагирует. Она сереет, потом пытается ударить меня, но тормозит, и я хватаю ее за руку, бросаю животом на землю и за волосы запрокидываю ей голову. Снова вижу, как ее кожа приобретает металлический оттенок, но уже через секунду он проходит, и она опять делается уязвимой. Тогда я беру ее шею в захват, и ее лицо снова меняет цвет, теперь на свекольный. Дар больше ей не помогает.

Она колотит по земле руками и ногами, показывая, что сдается, я отпускаю ее, встаю и говорю:

– Лежи. – Но она все равно вскакивает, и я вижу, что она сильно разозлилась. Я еще раньше заметил, что у нее глаза Черной Ведьмы, и злитесь она определенно как Черная. Она бросается на меня, сереет, но это длится всего секунду, потом ее лицо приобретает нормальный цвет, и я бью ее с размаху, сильно. Пошатнувшись, она падает на спину, и носа льет кровь.

– Когда научишься контролировать свой дар, он сослужит тебе хорошую службу, – говорю я ей.

Я оборачиваюсь. Греторекс уже снова на ногах, в знак поражения она поднимает руки. И говорит:

– Ладно, Натан. Ты победил. Хватит. – Потом она окидывает взглядом своих стонущих на земле учениц и добавляет: – Хотя я по-прежнему думаю, что они многому научились.

– Точно, ни одному нормальному против них не выстоять.

Голос доносится со стороны деревьев, я оборачиваюсь и вижу Несбита – он стоит и ухмыляется, глядя на меня.

Жажда крови

Прекрасная светловолосая Черная Ведьма закуривает и бросает мне зажигалку. Приятно иногда выкурить сигаретку, особенно одну из тех, что курит она. Я затягиваюсь восхищенно густым дымом с ароматом голубики, выпускаю вверх фиолетовую струю и смотрю, как она тает у меня над головой. Раньше я не доверял Ван и не курил ее сигареты, но эти не крепче табака, а на вкус несравненно лучше.

Ван говорит:

– Ты, кажется, напал на отряд Охотников, Натан.

– Они наши враги. Разве мы все не должны поступать так же?

– Мы все должны подчиняться приказам. Приказа нападать не было.

– Я наткнулся на них случайно. Было жалко бросить. А просить разрешения времени не было.

– Ты прекрасно знаешь, что не получил бы его, даже если бы попросил.

Мы сидим в центре нового лагеря номер три с Несбитом, Габриэлем и Греторекс. Ван – эксперт по всяким снадобьям и наверняка прибыла сюда для того, чтобы смешать для Донны зелье правды, хотя речи об этом пока не было, и разговор крутится в основном вокруг меня.

Ван продолжает.

– Ты рискуешь своей жизнью и жизнью других ради кучки Охотников. Такие нападения ни к чему не ведут, разве что удовлетворяют твою жажду крови.

– Ну, ее-то удовлетворить нельзя, – бормочет сзади Несбит.

– Я рискнул, и мой риск оправдался.

– А мы бы предпочли, чтобы ты не рисковал понапрасну.

– Мы все рискуем жизнью, каждую минуту. Может, нас уже завтра не будет в живых.

Так что это мое дело, нападать на Охотников или нет.

Ван качает головой и переводит взгляд на Габриэля. Тот говорит:

– Натан рискует в разумных пределах и никого не подвергает опасности. – Но почему-то мне становится тошно от того, что он прикрывает меня, ведь я знаю, что он не одобряет моих действий.

– Ну, в разумных или в неразумных, – подхватывает Ван, – а вывод один: если так будет продолжаться, то рано или поздно тебя, Натан, убьют. А ведь у нас на тебя большие виды.

– Да ну? – отвечаю я. Значит, вот зачем она здесь.

– Чем дольше затягивается война, тем сильнее становится Сол. Белые Советы Европы один за другим подпадают под его влияние. Мы по-прежнему стараемся привлечь новобранцев из разных слоев ведовского сообщества, но после поражения при Бяловице это... одним словом, сложно. – Она смотрит на меня, затягивается, выдыхает струю сиреневого дыма. – Есть еще один фактор, который мешает нам находить сторонников. Многие не видят смысла ввязываться в схватку, раз уж ты все равно убьешь Сола, рано или поздно. Ходят слухи, будто кому-то уже были видения на эту тему. Хотя лично я не уверена, что речь идет именно о видениях, скорее это отчаянная надежда. Зато все знают, что ты получил дары своего отца.

– То есть опять хотят свалить все на меня одного? И ты тоже в это веришь, Ван?

– Если все дары твоего отца у тебя и ты можешь ими управлять, то ты и впрямь сильнее Сола.

– Но только Сола, – возражаю я. – А не Сола с сотней Охотников.

– Сол знает, что ты для него последняя реальная угроза, – вмешивается Несбит. – Вот почему он рассылает прокламации с обещаниями всеобщей амнистии. Хотя кто ему поверит?

– Какой амнистии? – спрашиваю я.

Несбит ухмыляется.

– А ты не слыхал? Эх ты, парень, живешь в лесу, молишься колесу.

Ван объясняет:

– Две недели назад Сол пообещал амнистию всем участникам Альянса и свободу всем пленным, если мы отдадим ему тебя.

– Соблазнительное предложение, – снова встречается Несбит. – Но я уже всем сказал, что если тебя выдадут, то я с ними больше не разговариваю, вот как. Только на этом пока и держимся.

Было время, всего пару лет назад, когда меня могли убивать прямо на глазах у Селии, а она и глазом не моргнула бы, но теперь все совсем иначе, я знаю. Было и другое время, когда замечания Несбита доводили меня до белого каления. А сейчас я просто сижу и пускаю колечки.

Кто-то из новеньких вполголоса говорит что-то об условиях, в которых содержат пленных. И тут я соображаю, что все они, до единого, стоят сейчас вокруг и слушают. Интересно, сколько среди них найдется таких, кто с радостью сдал бы меня в обмен на амнистию?

Несбит тоже это услышал, и, оглянувшись на новеньких, говорит нарочито громко:

– Хотя, конечно, ты мог бы и сам сдаться Солу, Натан. Чего не сделаешь, чтобы помочь пленным, облегчить их страдания, верно?

Я вдавливаю окурок своей сигареты ногой в землю и говорю:

– Ничего это никому не облегчит. – Пленников, может, и отпустят, но временно, а вообще, пока Сол во главе, страдать будут еще многие. Он никогда не прекратит преследовать Черных и тех, кто подвергает сомнению его право на власть.

Я представляю себе пленников, которых держат сейчас в тюрьме под зданием Совета, кого-то, может быть, даже в той самой камере, где перед татуировкой сидел я. Меня тогда оставили в полной темноте, приковав к стене цепью. Я сочувствую пленным, особенно Черным – они больше страдают, когда им приходится оставаться под крышей ночью, – но точно знаю, что даже приди я к Солу сам, по доброй воле, это ничего не изменило бы.

Ван встает и говорит:

– Давай пройдемся, Натан. По-моему, для серьезного разговора тут слишком много зрителей.

Я встаю, она берет меня под руку, и мы выходим из лагеря. Габриэль и Несбит идут за нами на расстоянии нескольких шагов.

– Ты нужен Солу, Натан. Причем живым, а не мертвым, я уверена. Совет держал тебя в клетке и тренировал для того, чтобы ты убил своего отца. Не приходится сомневаться, что именно таков был их план, однако, по-моему, теперь амбиции Сола зашли еще дальше. Видимо, он хочет сделать из тебя контролируемого убийцу, чтобы твоими руками убирать тех, кто ему негоден.

– А что, на этот счет у кого-то тоже были видения?

– Насколько мне известно, нет. Зато это вполне согласуется с его планами подчинить себе всех ведьм во всех частях света. Он бы не отказался иметь тебя в качестве верного слуги, личного наемного убийцы. Конечно, я сама Сола не встречала, но Селия с ним знакома, да и ты, по-моему, его знаешь. Как считаешь, способен он на такое?

Я инстинктивно чувствую, что да, способен. И говорю Ван:

– Он сам хотел дать мне три подарка на мое семнадцатилетие. Это всегда казалось мне странным. Как будто ему важно было создать какую-то личную связь между нами.

– Да, думаю, для него это дело личное. Если подумать, то, по большому счету, ты ему ни к чему, но он все равно хочет заполучить тебя. Отчасти из эгоизма, отчасти... – она пожимает плечами, – потому, что ты – его навязчивая идея. Ты от него сбежал, вот он и хочет

вернуть тебя во что бы то ни стало. Но больше всего он жаждет власти. И ему вполне может представляться, что власть над тобой покажет всем его силу.

– Тогда хорошо, что он меня еще не заполучил.

– Вот именно. Но, в отличие от Сола, Альянс уязвим и слаб. Селия старается изо всех сил, чтобы те, кто еще на нашей стороне, не падали духом, она каждый день тренирует новичков, которые пришли к нам в последнее время. Но главная наша задача сейчас – выжить. А для этого надо залечь на дно. Не высовываться. Перестать нападать на Охотников. И, главное, не потерять тебя. Ты нам нужен, Натан. Если умрешь ты, Альянс обречен. Тебе нельзя рисковать жизнью, гоняясь за мелкими группками Охотников. Сола так не победишь. – Ван останавливается и смотрит на меня. – Хотя, кажется, тебя сейчас заботит совсем не это.

Я пожимаю плечами.

Она настаивает:

– Ищешь Анна-Лизу?

– А ты как думаешь? Это из-за нее умер мой отец. И с ним половина Альянса.

– Что ты сделаешь, когда найдешь ее? – спрашивает Ван.

Я фыркаю.

– В смысле, убью я ее быстро или медленно? В данный момент я предпочел бы расправиться с ней побыстрее, но проживем – увидим.

Ван делает глубокий вдох, вынимает из кармана портсигар, предлагает сигарету мне, берет сама. Минуту мы курим молча, потом она спрашивает:

– Ты уже научился пользоваться дарами отца?

– Знаешь, у Белых считается плохим тоном спрашивать об их дарах, Ван, а я ведь наполовину Белый.

Она выдыхает дым мне прямо в лицо и говорит:

– Знаешь, Натан, рядом с тобой я напрочь забываю о манерах.

Почему-то от этих слов мне хочется улыбаться.

– Я над ними работаю. Я про дары, не про манеры.

Она смотрит на меня так, словно едва сдерживает смех, и говорит:

– Ну, и каковы результаты?

– Я научился становиться невидимым – это получается у меня лучше всего – и еще я могу убивать молнией. Могу изрыгать огонь. – Для пущей убедительности я выпускаю колечко дыма без помощи сигареты.

– А контроль времени?

– Работаю, но пока не получается. Хотя вообще-то пускать изо рта дым тоже непросто.

Тут она все же не выдерживает и улыбается, а потом выпускает в мою сторону сначала одно большое дымное кольцо, потом еще серию маленьких вдогонку.

Я пока не понимаю, к чему она клонит.

– Так ты веришь в видение, в котором я убиваю Сола, Ван?

– Зачем мне какие-то видения, когда у меня есть кое-что получше: вполне материальный предмет, который поможет тебе убить Сола и обеспечить победу Альянса. – Она делает паузу, глубоко затягивается и продолжает. – Даже со всеми дарами твоего отца – ты все равно уязвим. Его смерть должна была показать тебе это. А тебе нужна сейчас не столько сила, сколько защита. Тебе нужно то, что сделает тебя неуязвимым, то, что сохранит тебя. Тебе нужен амулет Вардии.

– Ладно, признаюсь: я понятия не имею, что это за штука.

– Это древний ведовской артефакт, наделенный огромной магической силой. Считается, что он ведет свое происхождение от самых первых дней ведовства. Все амулеты призваны защищать своих владельцев, но этот в особенности. Он был создан Черной Ведьмой

по имени Вардия. Времена тогда были другие, и Черные с Белыми жили вместе. – Ван улыбается так, словно сама не может поверить в то, о чем говорит. – Вардия полюбила одного могущественного человека по имени Линус; некоторые верят, что он был принц, но главное в том, что он был еще и Белый Колдун. Однако ему не хватало своей магической силы, и он жаждал помощи Вардии. Он сказал ей, что любит ее, и она сделала ему специальный защитный амулет. Он выиграл много битв с этим амулетом, распластав его у себя на груди прямо над сердцем, под доспехами. Он побеждал тех, кто был сильнее его, и никогда не был ранен. Его могущество росло день ото дня. Линус был благодарен Вардии за защиту, но он не любил ее и знал, что никогда не полюбит. Наконец он устал лгать и рассказал Вардии правду. А потом ускакал ее прочь. Но, несмотря на его предательство, Вардия любила его по-прежнему, и потому, уходя, она разорвала амулет на две половины, одну из которых оставила ему, а вторую забрала себе и сказала, что, когда ему понадобится ее помощь, пусть только позовет, и она вернется, и тогда амулет снова обретет силу единства. Но Линус не успел – в следующем же бою его убили.

Да, помню, однажды я видел половину амулета. И это было не украшение из металла или драгоценных камней, как можно было ожидать, а клочок старого, потертого пергамента со странными закорючками, которые шли кругами – или, вернее, полукругами, потому что пергамент и впрямь был разорван посередине.

– Та половина, которую отдал тебе Габриэль? – спрашиваю я. – Это одна часть?

– Да.

– Но без второй от нее мало толку.

– Верно. Однако много лет назад я узнала, кому принадлежит вторая половина, и с тех пор непрерывно искала этого человека. По имени Леджер.

– И ты нашла его? Или ее?

– Да.

– И забрала вторую половину?

– Это не так просто. Но я уверена, что в обладании полным амулетом – ключ к победе над Солом. Если обе его части окажутся у тебя, ты будешь защищен не хуже Линуса. Никто не сможет тебя убить.

– Но если амулет разорван, то откуда ты знаешь, что он сработает? Почему ты вообще уверена, что это амулет той самой Вардии? Может, его вовсе не существовало, и все это не более чем глупая старая сказка.

Глаза Ван прямо-таки взрываются дождем сапфировых искр, когда она возражает:

– Конечно, никаких гарантий у меня нет, но я думаю, что Леджер знает, как заставить работать обе половины. Она могущественная ведьма. Может быть, самая могущественная из всех, что жили когда-либо на свете.

– Могущественнее моего отца?

Ван снова берет меня под руку и продолжает:

– Видишь ли, Леджер очень отличается от твоего отца. И вообще, она настолько необычная Черная Ведьма, что большинство о ней даже не слышали. Она ведет очень уединенный образ жизни, однако несколько дней назад я удостоилась чести быть принятой ею. У нее много даров, и она располагает огромными знаниями о магии. Возможно, она поможет тебе получить доступ и к некоторым дарам твоего отца, а не только заставит работать амулет.

– Но зачем ей помогать мне? Да еще и уступать мне свою половину – за красивые глаза, что ли?

– С ней можно договориться. Я рассказала ей о тебе, и она очень тобой заинтересовалась.

Я смотрю на Ван. Она такая же холодная и загадочная, как всегда. Шрамы, оставленные на ее лице Меркури, почти прошли. На ней сейчас не любимый строгий костюм в пастельных

тонах, а простые темные брюки, джемпер и зимняя куртка. Выражение лица непроницаемое. Я доверяю ей, хотя знаю, что она почти всегда преследует какую-то свою цель.

– Так зачем Леджер помогать мне?

– Чтобы узнать это, ты должен сам встретиться с ней.

– Ты говоришь, что я рискую, нападая на Охотников; а откуда ты знаешь, что она просто не заберет у меня половинку амулета Габриэля и не убьет меня самого, раз она такая могущественная?

Ван едва заметно улыбается.

– Потому что убийство – не ее стиль. Кроме того, я уже отдала ей свою половинку амулета.

– Что?!

– Как знак полного доверия. Леджер наверняка знает, как починить этот амулет. Но говорит, что сделает это только для правильного человека. Так что нам остается надеяться, что этот человек – ты, Натан.

Я стану бояться тебя больше всех на свете

Ван с Несбитом возвращаются в лагерь, а мы с Габриэлем отправляемся на пробежку. Я спрашиваю его:

– Ты переживаешь из-за того, что Ван отдала твою половинку амулета?

– Нет, конечно. Я же сам отдал его ей в обмен на ее помощь, в благодарность за то, что она спасла мне жизнь. Пусть делает с ним что хочет. К тому же я ведь говорил тебе, Натан: меня больше не интересуют эти штуки. Да и никогда особенно не интересовали.

– И как, по-твоему, отправляться мне за этим амулетом или нет?

– Я как раз думаю об этом.

Я тоже. Познакомиться с Леджер, конечно, хочется, да и амулет меня тоже интересует, но отвлечься на них – значит, отказаться от поисков Анна-Лизы. Хотя я уже начинаю понимать – точнее, принимать то, что понял еще несколько недель назад – Анна-Лиза скрылась, ее здесь нет. И она может оказаться где угодно.

Пару часов мы бегаем, потом возвращаемся в лагерь. Греторекс, Ван и Несбит заняты с Донной, и мы присоединяемся к ним. Несбит держит Донну, а та выглядит так, точно вот-вот отключится.

На земле стоит одна из каменных чашек Ван с остатками какого-то снадобья. Зелья правды, наверное.

Ван бросает взгляд на меня, потом снова поворачивается к Донне и спрашивает:

– Зачем ты хочешь вступить в Альянс?

– Там я смогу делать добро, – Донна едва ворочает языком, как пьяная.

– Какое добро?

– Убивать плохих парней.

– Кто плохие парни?

– Те, что творят зло, нехорошие.

– Но кто они? Назови хотя бы одного.

– Плохие парни. – Донна, похоже, сейчас уснет.

Ван настаивает:

– Охотники плохие?

– Они убивают членов Альянса.

– Да, но они плохие или нет?

– Они связали мне руки, заткнули кляпом рот и морили меня голодом. – Тут ее взгляд ненадолго фокусируется на мне, и она добавляет: – Он их убил.

– Ты знаешь его имя? – Ван показывает на меня.

– Натан. А еще Фредди.

Ван смотрит на меня, выразительно подняв брови.

– Фредди?

Я киваю.

– Натан плохой парень?

– Он убивал Охотников.

– Поэтому он плохой или хороший?

– Все говорят, что плохой.

– А что ты скажешь?

– Он отдал мне весь шоколад.

Ван раздувает щеки. Вид у нее усталый.

– Ты шпионка?

– Нет.

- Убийца?
- Я хочу убивать плохих парней.
- Кто плохие парни?
- Те, что творят зло, они плохие.

Мне почему-то кажется, что они уже давно топчутся на одном месте, и я решаю уйти: пусть переливают из пустого в порожнее без меня.

Позже я спрашиваю у Ван, как все прошло. Она встряхивает головой.

– Трудно. Для идеального результата надо, чтобы зелье было сварено на заказ, так сказать, по индивидуальной мерке клиента. А я пользовалась общим рецептом, но даже с ним она должна была говорить только правду.

– Ну? И какой твой вывод?

– Мне не понравилось, что все ее ответы были какие-то однотипные. Честные, но не открытые. Однако судить пока рано. Надо сварить зелье специально для нее.

Ван предлагает мне сигарету, я беру. Затягиваюсь – и тут же снова выталкиваю дым. Я удивлен: сигарета простая, фейнская.

– Американская, – подтверждает Ван, словно читая мои мысли.

– У тебя, наверное, нет с собой того зелья, которое помогало мне спать?

Ван не сразу, но все же спрашивает:

– Дурные сны?

Я пожимаю плечами.

– Просто сны. – И задумываюсь, не рассказать ли ей о своих видениях. Потом решаю, что не стоит: как-нибудь в другой раз.

– У меня тут кое-что есть. – Опустив руку в карман куртки, она вынимает несколько крохотных бумажных пакетиков. Точнее, клочков бумаги, свернутых так, чтобы занимали совсем мало места. Из них она выбирает три.

– Зелье очень сильное. Принимай строго по одной порции на ночь, иначе не проснешься. – И она замирает, держа квадратiki над моей протянутой ладонью. – Ты ведь не соблазнишься проглотить их все сразу, а, Натан?

Я смотрю в сапфировую синеву ее глаз. И отвечаю:

– Каждый день подмывает.

Я не говорю ей, что единственное, что пока удерживает меня от самоубийства, это мысль об Анна-Лизе, о том, что она ходит где-то на свободе, живая и невредимая, и еще о том, что если я умру, а она будет продолжать жить, то мысль о такой несправедливости испепелит меня даже в аду. Только когда она умрет, я сдамся.

Я уже почти решаю отправиться на поиски Леджер, но меня удерживает Греторекс: она хочет, чтобы мы с Несбитом и Габриэлем сначала помогли ей устроить лагерь. Она вводит новый режим ежедневных проверок местности непосредственно вокруг лагеря и еженедельных – более широкого пространства. В каждом лагере Альянса по два прохода: первый для связи с другими, а второй, запасной, ведет куда-нибудь очень далеко – на всякий случай. Греторекс говорит:

– Система проходов позволяет нам не слишком расширять территорию лагеря, но сами проходы тоже могут стать проблемой. У Сола есть по крайней мере один Охотник, который в состоянии их почуять.

Я киваю.

– Мой отец считал, что надо заполнить проходами весь мир. Пусть тогда Охотники побегают.

– Хорошая мысль, но пока мы будем продолжать прятаться и как можно чаще менять места.

Группу новичков посылают на ежедневную проверку ближней территории, а мы с Несбитом и Габриэлем идем дальше, посмотреть, нет ли там каких-нибудь признаков того, что нас выследили.

Хорошо смыться из лагеря хотя бы ненадолго. Несбит, Габриэль и я заранее договариваемся о том, кто из нас какую территорию будет обследовать в течение дня, так что утром мы расстаемся и отправляемся каждый в свою сторону, и только вечером снова собираемся вместе. Три дня мы обходим лагерь Греторекс по большому периметру и не находим ничего подозрительного; напротив, вокруг все на удивление спокойно.

Каждый день я упражняюсь в своих дарах. Невидимость, огонь и молнии даются мне все легче и получаются все лучше, а один раз мне даже кажется, что я вот-вот научусь останавливать время. Правда, останавливать надо совсем не время. Отец делал не это. Он останавливал мир, или, по крайней мере, замедлял его настолько, что он как будто останавливался. Я повторяю то, что на моих глазах делал он: по кругу тру ладонь о ладонь и думаю о движущемся мире, потом прижимаю обе ладони к голове и представляю себе, что весь мир останавливается, а двигаюсь только один я. Поднимаю глаза и вижу, что все вокруг как бы замерло. Я поворачиваюсь к Габриэлю, он сидит неподвижно и смотрит на меня. Вдруг все вздрагивает и начинает двигаться. Габриэль моргает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.